

МИНИСТЕРСТВО ПРОСВЕЩЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«ЮЖНО-УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНО-
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» (ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»)

ФАКУЛЬТЕТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ
КАФЕДРА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

Функционирование концепта «искусственный интеллект» в американских и
русских медиа

Выпускная квалификационная работа по направлению

44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки)

Направленность программы бакалавриата

«Английский язык. Иностранный язык»

Форма обучения очная

Проверка на объем заимствований:

80,6 % авторского текста

Работа рекоменд к защите
рекомендована/не рекомендована

«И» монд 2025г.

зав. кафедрой английского языка
Афанасьева Ольга Юрьевна

Выполнила:

студентка группы ОФ-503-091-5-2

Грибанова Екатерина Романовна

Научный руководитель:

доктор педагогических наук, доцент,

зав. кафедрой английского языка

Афанасьева Ольга Юрьевна

Челябинск

2025 год

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИАДИСКУРСЕ	7
1.1 Определение понятия «искусственный интеллект».....	7
1.2 Определение понятия «концепт»	16
1.3 Медиатекст как объект лингвистического исследования	26
Выводы по первой главе	34
ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»	36
2.1 Репрезентация концепта «искусственный интеллект» в американских медиа.....	36
2.2 Репрезентация концепта «искусственный интеллект» в российских медиа.....	42
2.3 Сопоставление концепта «искусственный интеллект» в американских и российских медиа.....	52
2.4 Применение результатов исследования в образовательном процессе.....	57
Выводы по второй главе	60
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	62
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ	65
ПРИЛОЖЕНИЕ 1	73

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена ростом интереса к искусственному интеллекту (ИИ): искусственный интеллект становится все более значимой частью нашей повседневной жизни. Системы на основе искусственного интеллекта находятся в центре внимания как в научных исследованиях, так и в бизнесе, что создает необходимость в их тщательном анализе и понимании. Исследование функционала концепта «искусственный интеллект» в медиа различных стран позволяет осветить то как американская и русская лингвокультуры воспринимают такой феномен, как искусственный интеллект, что способствует более глубокому пониманию глобальных тенденций и особенностей разных лингвосообществ.

Объект исследования: концепт «искусственный интеллект».

Предмет исследования: функционирование концепта «искусственный интеллект» в американском и российском медийном пространстве.

Цель исследования: выяснение ключевых отличий и сходств в представлении концепта «искусственный интеллект» в американских и российских медиа.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть и проанализировать понятие «искусственный интеллект» в научной и профессиональной литературе.
2. Изучить и систематизировать различные подходы к определению понятия «концепт».
3. Рассмотреть понятие «медiateкст» как объект лингвистического исследования.
4. Определить структуру и содержание концепта «искусственный интеллект» в американских медиа.

5. Определить структуру и содержание концепта «искусственный интеллект» в российских медиа.

6. Провести сопоставительный анализ реализации концепта «искусственный интеллект» в американских и российских медиа.

7. Выявить дидактический потенциал результатов исследования и определить возможность их применения в иноязычном образовательном процессе.

Для успешного выполнения задач, заявленных в исследовании, были использованы следующие методы: анализ научной литературы, систематизация языкового материала, дискурсивно-когнитивный анализ, сопоставительный анализ, а также метод математических подсчетов.

Теоретико-методологической базой выпускной квалификационной работы послужили научные труды зарубежных и отечественных исследователей в области искусственного интеллекта (Дж. Маккарти, М. Минский, Дж. Хинтон и др., а также К. В. Воронцов, Г. С. Осипов, А. И. Редькина и И. В. Понкин и др.). Были проанализированы научные работы в области концептологии (И. Кант, Дж. Лакофф, Ф. де Соссюр, а также В. И. Карасик, В. В. Красных, Д. С. Лихачев, З. Д. Попова и И. А. Стернин и др.) Для составления теоретической главы также были использованы исследования в области медиалингвистики (В. В. Воробьев, Т. Г. Добросклонская, Л. Г. Лисицкая, Т. В. Чернышова).

Источником материала для исследования послужили медиатексты с американского новостного сайта CNN, а также медиатексты с российского новостного сайта Lenta.ru по запросу «искусственный интеллект», опубликованные в период с 2023 по 2025.

Новизна нашей работы заключается в том, что впервые было проведено сопоставление функционирования концепта «искусственный интеллект» в американских и российских медиа.

Теоретическая значимость нашей выпускной квалификационной работы заключается в сопоставительном исследовании концепта

«искусственный интеллект», реализуемого в англоязычном и русскоязычном медийном пространстве.

Практическая значимость проведенного нами исследования заключается в определении возможности использования результатов исследования в иноязычном образовательном процессе.

Результаты данной работы могут быть применены в процессе преподавания английского языка в школе в урочной и внеурочной деятельности по теме «искусственный интеллект».

На защиту выносятся следующие положения:

1. Концепт «искусственный интеллект» является одним из наиболее часто обсуждаемых в современных американских и российских медиа, так как наблюдается активное развитие технологий в области нейросетей.

2. В репрезентации концепта «искусственный интеллект» в американских и российских медиа существуют сходства и различия.

3. Основное сходство между концептами заключается в одинаковой структуре ядра и схожей структуре периферии. В ядро входят такие концептуальные признаки, как «инструментальность», «субъектность», «полезность» и «опасность».

4. Различия между концептами заключаются в следующем: концептуальный признак «полезность» в русскоязычном концепте представлен большим количеством контекстуальных единиц; в периферии англоязычного концепта присутствует концептуальный признак «ненадежность», вместо которого в русскоязычном концепте наблюдается концептуальный признак «достижение лидерства с помощью ИИ».

5. Различия репрезентации концепта «искусственный интеллект» обусловлены следующими причинами: активным влиянием государства в РФ на сферы жизни, касающиеся искусственного интеллекта; геополитическими причинами; разницей в массовых культурах стран; большей осведомленностью жителей США о неудачах ИИ.

6. Результаты исследования применимы в образовательном процессе для развития речевых умений.

Цель и задачи данного исследования определили его структуру, которая состоит из введения, двух глав, выводов по главам, заключения, списка использованных источников и приложения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В МЕДИАДИСКУРСЕ

1.1 Определение понятия «искусственный интеллект»

Искусственный интеллект воспринимается многими людьми как что-то очень современное, и такое представление частично оправдано, ведь именно в XXI веке на улицах появились беспилотные автомобили, управляемые искусственным интеллектом, голосовые помощники Siri и Алиса, а также всем известные чат-боты ChatGPT и DeepSeek. Тем не менее, история искусственного интеллекта уходит корнями еще в XX век.

Вопрос о том, способны ли машины по-настоящему мыслить, возник еще до того, как люди заговорили об искусственном интеллекте. Еще в своей знаковой работе «Как мы можем думать», которая была опубликована в 1945 году, В. Буш описал систему, способную расширять человеческие знания и интеллект. А спустя пять лет А. Тьюринг в своей статье доказал, что машины могут имитировать человеческое поведение и выполнять сложные интеллектуальные задачи – например, играть в шахматы [47]. А. Тьюринг выдвинул гипотезу, что «машине, которую собеседник-исследователь не способен отличить от человека, может быть приписано наличие интеллекта, как у человека» [34].

Термин «искусственный интеллект» впервые появился в 1956 году во время Дартмутской конференции. Именно там группа ведущих ученых, среди которых были Дж. Маккарти, М. Минский, Н. Рочестер и К. Шеннон, предложила рассматривать ИИ как научное направление, посвященное разработке машин, способных выполнять задачи, традиционно требующие человеческого интеллекта [44].

Идея искусственного интеллекта заинтересовала многих ученых. Рассмотрим их определения.

В статье «Искусственный интеллект как ключевой фактор цифровизации глобальной экономики» приводится определение, сформулированное в начале 1980-х годов исследователями в области теории вычислений А. Барром и Э. Фейгенбаумом. Они рассматривали искусственный интеллект как раздел компьютерных наук:

«Искусственный интеллект – это область информатики, занимающаяся созданием интеллектуальных компьютерных систем, то есть систем, наделённых способностями, которые традиционно ассоциируются с человеческим разумом: понимание естественного языка, обучение, логическое мышление, решение задач и другие когнитивные функции» [39]. Несмотря на то, что искусственный интеллект в первую очередь связан с компьютерными программами, крайне важной его особенностью является его способность действовать как человек, в соответствии с когнитивными функциями, свойственными человеку.

Дальнейший вклад в изучение искусственного интеллекта внес М. Минский, один из основоположников искусственного интеллекта, сооснователь Лаборатории искусственного интеллекта MIT (MIT AI Lab). Он дал определение искусственному интеллекту, отражающее когнитивно-символический подход, который доминировал в ранних исследованиях ИИ: искусственный интеллект – это наука о том, как заставить машины выполнять задачи, которые на данный момент люди делают лучше [24]. Минский не только считает, что искусственный интеллект может действовать как человек, но и что он может превзойти человека, не допуская ошибок, которые могут случиться в процессе реализации когнитивных функций.

В определении искусственного интеллекта Дж. Маккарти, американский учёный-компьютерщик и когнитивист, один из основателей дисциплины искусственного интеллекта, ставший соавтором документа, в котором был придуман термин «искусственный интеллект» также учитывает способность искусственного интеллекта превзойти человека. В

статье 2007 года Дж. Маккарти пишет, что искусственный интеллект – это наука и инженерия создания интеллектуальных машин, особенно интеллектуальных компьютерных программ. Он связан с аналогичной задачей использования компьютеров для понимания человеческого интеллекта, но искусственный интеллект не должен ограничивать себя человеческой биологией [49].

Ученый подчеркивает, что для понимания искусственного интеллекта нам так же необходимо понимать, что такое вообще интеллект. По его словам, интеллект – это вычислительная часть способности достигать целей в мире. Различные виды и степени интеллекта встречаются у людей, многих животных и некоторых машин. Исследователь замечает, что пока нет четкого определения интеллекта, которое не зависит от соотнесения его с человеческим интеллектом. Он выделяет проблему, заключающуюся в том, что мы пока не можем в целом охарактеризовать, какие виды вычислительных процедур мы хотим назвать интеллектуальными. Мы понимаем некоторые механизмы интеллекта, а другие – нет [49].

Профессор компьютерных наук Калифорнийского университета в г. Беркли С. Рассел и директор по исследованиям в компании Google, Inc. П. Норвиг также внесли свой вклад в развитие понимания того, что такое искусственный интеллект. В более ранних изданиях они формулируют ИИ как: «науку и инженерию создания интеллектуальных машин, а именно интеллектуальных компьютерных программ» [52, с. 2]. В переиздании этой же книги через одиннадцать лет они пишут, что «искусственный интеллект – это изучение агентов, которые получают информацию из окружающей среды и выполняют действия, чьей целью является максимизация вероятности достижения поставленных целей» [53, с. 22].

Анализируя их определения, можно проследить уточнение понятий. В более раннем определении компьютерные программы просто наделены интеллектом, тогда как позже ученые уточняют характеристики

искусственного интеллекта. В их определении искусственный интеллект рассматривается как рациональный агент, взаимодействующий со средой. Также можно сделать вывод, что искусственный интеллект не обязательно должен имитировать человека, но должен принимать оптимальные решения.

В работе «The Singularity Is Near» Р. Курцвейл, американский изобретатель и футуролог, определяет искусственный интеллект как технологию, которая может моделировать и превосходить человеческое познание, что в конечном итоге приведёт к слиянию человеческого и машинного интеллекта [18]. Как и другие ученые, Р. Курцвейл говорит о возможности искусственного интеллекта стать лучше человеческого интеллекта, однако делает шаг дальше и заявляет о неизбежности слияния искусственного интеллекта с человеческим.

Уже было выявлено, что искусственный интеллект обладает когнитивными способностями человека, и, рассматривая искусственный интеллект, британский и канадский учёный Дж. Хинтон, которого также называют крестным отцом искусственного интеллекта, обращает особое внимание на способность ИИ к обучению.

В интерпретации Дж. Хинтона искусственный интеллект представляет собой технологию, базирующуюся на машинном обучении и нейронных сетях, с особым акцентом на глубокое обучение. Эти методы позволяют компьютерам не просто обрабатывать информацию, а фактически учиться и принимать решения, воспроизводя отдельные аспекты человеческого познания. Ученый определяет ИИ как систему, способную автономно анализировать большие данные, выявлять в них сложные паттерны и применять полученные знания для решения интеллектуальных задач – от распознавания образов до обработки естественного языка и речи [54].

Конечно, изучением искусственного интеллекта занимаются не только зарубежные исследователи.

Г. С. Осипов, президент Российской ассоциации искусственного интеллекта предлагает следующее определение искусственного интеллекта:

«Современный ИИ – это комплекс технологий машинного обучения, который дает возможность системам обрабатывать неструктурированные данные и принимать решения в условиях неопределенности» [27]. В данном определении также упоминается важность умения искусственного интеллекта учиться, а также такая когнитивная способность, характерная для человека, как принятие решений в условиях отсутствия полной информации.

Значимость способности принимать решения подчеркивает и другой отечественный исследователь, К. В. Воронцов, профессор МФТИ и профессор РАН. Он пишет, что искусственный интеллект является совокупностью технологий, которые обеспечивают автономное принятие решений и которые способны на обучение и адаптацию систем [5]. То есть ИИ должен не просто принимать решения, а делать это автономно и адаптироваться после.

В современном мире искусственный интеллект играет настолько значительную роль, что Указом Президента РФ от 10.10.2019 №490 была утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта (ИИ) на период до 2030 года. Согласно статье 5 этого документа, искусственный интеллект представляет собой «совокупность технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, как минимум сопоставимых с человеческим интеллектом, что также включает в себя способность к самообучению и поиску решений без заранее заданных алгоритмов» [26].

В целом в современной научной литературе искусственный интеллект рассматривается как динамично развивающаяся область науки и технологий, ставящая своей целью разработку систем, способных воспроизводить ключевые аспекты человеческого интеллекта. Речь идет о

создании технологий, которые могут не только имитировать когнитивные функции, но и демонстрировать способность к самостоятельному принятию решений, обучению на основе накопленного опыта, а также адаптации к новым условиям и ситуациям. Современные системы ИИ отличаются возможностью самообучения и постоянного совершенствования своих алгоритмов без необходимости прямого вмешательства человека в процесс их программирования [25].

Важной отличительной чертой искусственного интеллекта в академической трактовке считается его способность извлекать знания из данных и творчески применять их для решения ранее не встречавшихся задач. Эта ключевая особенность принципиально отделяет ИИ-системы от традиционного программного обеспечения с его жестко заданными алгоритмами.

А. И. Редькина и И. В. Понкин в своих исследованиях также выделяют характеристики ИИ, которые не всегда можно понять из некоторых определений.

1. Автономность и потенциал саморазвития. Под автономностью подразумевается способность ИИ-системы самостоятельно выполнять поставленные задачи с заданными параметрами качества и безопасности, без постоянного внешнего контроля.

2. Когнитивные и исполнительные функции. Включают комплекс возможностей: распознавание мультимодальной информации, моделирование окружающей среды, принятие решений и их практическую реализацию.

3. Самореферентность и глубинная адаптивность. Проявляются через продвинутые механизмы самообучения, реализуемые посредством современных методов машинного обучения – нейросетевых архитектур и мультиагентных систем.

4. Антропоморфные компетенции. Способность воспроизводить функции, исторически присущие человеческому интеллекту, в частности –

накопление эмпирического опыта и его эффективное использование в практической деятельности [19].

Как было отмечено некоторыми учеными, искусственный интеллект может представлять собой собирательное название для разных технологий. Изучим классификацию искусственного интеллекта по уровню развития и интеллектуальной способности.

Слабый искусственный интеллект или, как его еще называют, Narrow AI – это тип искусственного интеллекта, который способен с умом выполнять определенную задачу. Narrow AI является наиболее распространенным и в настоящее время доступным типом искусственного интеллекта. Narrow AI не может действовать за пределами своей области или ограничений, поскольку он обучен только для одной конкретной задачи. Именно поэтому его также называют слабым ИИ. Narrow AI может давать сбои непредсказуемым образом, если он выходит за пределы своих ограничений. Apple Siri – хороший пример Narrow AI, так как это программа, которая работает с ограниченным предопределенным набором функций. Еще некоторые примеры Narrow AI включают в себя игру в шахматы, предложения по покупкам на сайте магазина, распознавание речи и распознавание изображений.

Общий ИИ (который также называют сильным ИИ) – это тип интеллекта, способный на выполнение любой интеллектуальной задачи с эффективностью человека. Идея общего ИИ заключается в том, чтобы создать такую систему, которая могла бы быть умнее и думать как человек сама по себе. В настоящее время не существует такой системы, которая могла бы полностью подпадать под понятие общего ИИ и могла бы выполнять любую задачу так же идеально, как человек. Исследователи по всему миру сейчас сосредоточены на разработке общего ИИ. Поскольку системы с общим ИИ все еще находятся в стадии исследования, потребуется много усилий и времени, чтобы получить окончательные результаты.

Сверхразумный ИИ – это уровень интеллекта систем, на котором машины могут превзойти человеческий разум и способны выполнять любую задачу лучше людей, применяя когнитивные способности. Сверхразумный ИИ является конечным итогом развития общего ИИ. Некоторые ключевые характеристики сильного ИИ включают в себя способность думать, рассуждать, решать головоломки, выносить суждения, планировать, учиться и общаться самостоятельно. Сверхразумный ИИ по-прежнему является гипотетической концепцией искусственного интеллекта. Разработка таких систем в реальной жизни по-прежнему является задачей, которая может коренным образом изменить нашу текущую жизнь [47].

Существует также классификация искусственного интеллекта по способу функционирования и методам реализации.

Реактивные машины – это самый базовый тип искусственного интеллекта. Такие системы ИИ не формируют и не хранят воспоминания и не накапливают опыт для будущих действий. Эти программы фокусируются только на текущих сценариях и реагируют на них в соответствии с возможным лучшим действием. Шахматный суперкомпьютер Deep Blue, разработанный корпорацией IBM, представляет собой характерный пример реактивной машины. В конце 1990-х годов данная система продемонстрировала превосходство над мировым чемпионом по шахматам Г. Каспаровым. Функциональные возможности Deep Blue включали распознавание шахматных фигур и их допустимых перемещений, прогнозирование потенциальных ходов противника и оптимизационный выбор стратегически наиболее выгодных ходов из множества возможных вариантов, однако система обладала существенными ограничениями, характерными для своего вида: отсутствием долговременной памяти о предыдущих игровых ситуациях, минимальная реализацией исторического контекста (щел учёт только правила троекратного повторения ходов), исключительно ситуационным

анализом текущего расположения фигур, оценкой возможных следующих ходов без интеграции в общую стратегическую картину [42].

Искусственный интеллект с ограниченной памятью может хранить накопленный опыт или некоторые данные в течение короткого периода времени. Такой тип искусственного интеллекта может использовать сохраненные данные только в течение ограниченного периода времени. Беспилотные автомобили являются одним из лучших примеров систем с ограниченной памятью. Эти автомобили могут хранить информацию о недавней скорости соседних автомобилей, данные о расстоянии до других автомобилей, ограничении скорости и другую информацию для навигации в дороге.

Вид искусственного интеллекта, который называют теория разума, должен понимать человеческие эмоции, людей, убеждения и уметь взаимодействовать социально, как люди. На сегодняшний день этого тип ИИ все еще не существует, но исследователи прилагают много усилий и улучшений для разработки таких вида ИИ.

Самосознательный искусственный интеллект – это будущее искусственного интеллекта. Этот тип ИИ будет сверхразумными и будет обладать собственным сознание, чувствами и самосознанием. Этот искусственный интеллект будут умнее человеческого разума. Самосознательного ИИ пока не существует в реальности, и это гипотетическая концепция [50].

Стоит отметить, что наравне с искусственным интеллектом в научной сфере изучаются машинное обучение и нейронные сети (глубокое обучение). Эти термины зачастую используются как взаимозаменяемые, однако обращение к научным концепциям показывает, что ученые и специалисты их принципиально разграничивают. Тем не менее, в нашей выпускной квалификационной работе во второй главе мы исследуем медиатексты, в которых эти термины используются в качестве синонимов,

таким образом в практической части нашего исследования мы также будем считать их синонимичными.

Итак, на основе информации из научных источников, в концепт «искусственный интеллект» входят следующие концептуальные признаки: «технологическая основа», «имитация человека», «способность к обучению», «решение задач», «автономность» и «превосходство над человеком».

1.2 Определение понятия «концепт»

Прежде чем рассматривать концепт как сложный когнитивно-лингвосоциальный конструкт, следует пояснить выбор данного иноязычного термина в русской лингвистической традиции. Термин «концепт», восходящий к латинскому «conceptus» (от глагола «concipere» – «зачинать», «воспринимать»), этимологически соотносится с русским словом «понятие», происходящим от древнерусского глагола «пояти» («схватить», «присвоить», «взять в жены»).

Как отмечает Ю. С. Степанов, несмотря на общую семантику «присвоения», заложенную в обоих терминах, концепт представляет собой более сложное и многомерное образование по сравнению с понятием. Согласно его определению, концепт включает в себя не только собственно понятийную составляющую, но и ценностно-образные компоненты индивидуального и коллективного сознания. Это «суммарное явление», синтезирующее рациональное и эмоциональное восприятие действительности [1].

Таким образом, использование термина «концепт» в русскоязычной научной традиции оправдано необходимостью обозначения комплексного феномена, выходящего за рамки традиционного «понятия» и включающего понятийное ядро, ценностные характеристики, образные ассоциации и

культурно обусловленные коннотации. Такое понимание концепта позволяет исследовать его как важнейший элемент взаимосвязи языка, мышления и культуры.

Термин «концепт» (от лат. *conceptus* – «понятие», «схваченное») обладает богатой историей развития в философской, лингвистической и когнитивной науках. Хотя его современная трактовка сложилась в XX столетии, истоки данного понятия восходят к античной эпохе.

Несмотря на то, что этот термин активно используется в современных гуманитарных науках, изучением этого феномена занимались уже средневековые мыслители. В частности в XII веке, у схоластов (включая Ф. Аквинского) латинское «*conceptus*» применялось для описания умственных образов и абстрактных понятий [36].

П. Абеляр, еще один представитель направления схоластики, в своих работах также рассматривал концепты. Он развивал учение о природе имен, утверждая, что звуковые обозначения не обладают внутренней связью с обозначаемыми объектами, но приобретают значение через божественно санкционированное «наложение» (*impositio*) людьми на вещи. Согласно его представлениям, имена выполняют функцию «инструментов познания», что позволяет рассматривать абеляровское понимание концепта в двуедином коммуникативном измерении: как средство человеческого общения и как способ богопознания. В философской системе П. Абеляра концепт тождественен Смыслу [4].

В XIV столетии развернулась философская полемика между номиналистами и реалистами, центральным вопросом которой стало соотношение триады «имя – идея – вещь». Противостояние радикальных позиций в этом споре привело к формированию компромиссного направления – «умеренного номинализма», известного в истории философии как концептуализм. В рамках средневековой мысли сложилось представление о концептах как особых именах-психологемах, выполняющих определенную смыслообразующую функцию [13].

В XVII–XIX веках философы Р. Декарт, Г. Лейбниц и И. Кант использовали термин в контексте мышления и категорий познания. В логике Дж. С. Милль и Ч. С. Пирс рассматривали концепт как элемент значения [33].

В XX веке понятие концепта активно используется в лингвистике и когнитивной науке. В лингвосомиотике, исходя из работ Ф. де Соссюра, концепт стал частью теории знаков. В когнитивной лингвистике, судя по трудам Дж. Лакоффа и Р. Лангакера, концепт стал восприниматься как ментальная репрезентация, связанная со значением слова.

В русской школе семиотики, чьими представителями являются Ю. С. Степанов, Д. С. Лихачёв, концептом начали считать сложное культурное понятие, объединяющее языковые и внеязыковые смыслы.

В современную научную парадигму термин «концепт» одним из первых начал вводить русский философ С. А. Аскольдов. Разделяя позицию средневековых номиналистов относительно способности индивидуального представления замещать весь родовый объем, ученый, тем не менее, не сводил концепт исключительно к индивидуальному представлению, подчеркивая присущую ему «общность» [4].

В современной науке концепт трактуется как «квант знания» (дискретная единица познания), идеальный объект, «сгусток культуры» в человеческом сознании (форма присутствия культуры в ментальном пространстве индивида) и элементарная единица культурной ментальности. Первоначальное видение концепта заключается в том, что это одновременное проявление индивидуального и общего представления о чем-либо. В процессе развития концепт трансформируется в культурную микромодель, тогда как сама культура выступает как микромодель концептуальных структур [13].

Проведенный анализ научных источников позволяет утверждать, что концепты являются формой репрезентации знаний о живых организмах и объектах окружающего мира. С когнитивной точки зрения они выступают

как «базовая мыслительная сущность, обеспечивающая связь между значением и словом», а в психологическом аспекте выполняют категоризирующую функцию [12].

В. В. Красных предлагает узкую трактовку концепта как предельно обобщенной и абстрагированной, но при этом конкретно репрезентируемой (языковому) сознанию когнитивно обработанной идеи «предмета» во всей совокупности его валентных связей, обладающих национально-культурной спецификой. Исследовательница отвергает необходимость наличия визуального прототипического образа для концепта и ограничивает применение данного термина абстрактными сущностями (такими как «воля», «счастье») [16].

Альтернативную позицию занимает В. И. Карасик, который, в отличие от предыдущего подхода, признает наряду с абстрактными концептами существование так называемых «предметных концептов» (таких как «матрешка», «колобок»). Подобное расширенное понимание природы концепта позволяет более полно реконструировать концептосферу конкретного лингвокультурного сообщества [12].

Приведенный анализ определений показывает, что понимание термина «концепт» в современной лингвистике вариативно. Существует как узкое (В. В. Красных) понимание термина «концепт», так и более широкое (В. И. Карасик, Ю. С. Степанов, Е. С. Кубрякова). Бесспорным признается лишь то положение, что концепт принадлежит сознанию и включает, в отличие от понятия, не только описательно-классифицированные, но и чувственно-волевые и образно-эмпирические характеристики. Концепты не только мыслятся, но и переживаются [29].

В современной лингвистике доминируют два основных подхода к осмыслению концепта – лингвокогнитивный и лингвокультурный.

С точки зрения лингвокогнитивного подхода, концепт понимается как единица ментальных ресурсов сознания, представляющая собой компонент информационной структуры, которая аккумулирует знания и

опыт человека. Концепт выступает оперативной содержательной единицей памяти, ментального лексикона, концептуальной системы языка и всей картины мира, отраженной в человеческой психике.

Лингвокультурный подход интерпретирует концепт как базовую единицу культуры, представляющую собой концентрированное выражение культурных смыслов и ценностей. В нем концепт рассматривается как своеобразный «сгусток» культурного содержания [12].

Оба подхода, несмотря на различия в акцентах, подчеркивают комплексную природу концепта как важнейшего элемента познавательных и культурных процессов.

Современная лингвистика рассматривает лингвокогнитивный и лингвокультурный подходы к изучению концепта как взаимодополняющие, а не противоречащие друг другу. Концепт как ментальное образование в индивидуальном сознании служит связующим звеном с концептосферой общества, то есть с культурой, тогда как концепт как единица культуры представляет собой закрепленный коллективный опыт, усваиваемый отдельной личностью.

Как отмечает В. И. Карасик, различие между подходами заключается преимущественно в направленности исследования: лингвокогнитивный подход рассматривает движение от индивидуального сознания к культуре, в то время как лингвокультурный – от культуры к индивидуальному сознанию [12]. Однако важно подчеркнуть, что такое разделение на противоположные векторы представляет собой лишь методологический прием. В действительности процесс взаимодействия между индивидуальным и коллективным сознанием носит целостный и многомерный характер, образуя единую систему взаимовлияний.

В современной лингвистической науке существует несколько терминологически близких, но концептуально различных категорий: «понятие», «концепт», «фрейм» и «гештальт». Эти термины отражают различные аспекты организации информации в человеческом сознании.

В своих исследованиях В. И. Карасик пишет, что ключевое отличие концепта заключается в его аксиологической природе – это значимая информация, обладающая ценностной нагрузкой и эмоциональной окраской, существующая как в индивидуальном, так и в коллективном сознании. В отличие от него: гештальт акцентирует целостность и неразложимость перцептивного образа; фрейм представляет собой динамическую структуру, организующую информацию по мере её развёртывания (можно сказать, что фрейм – это «оживший» гештальт); понятие является логической категорией, лишённой эмоционально-ценностных компонентов [12].

Таким образом, концепт занимает особое положение в этом терминологическом ряду, объединяя:

- 1) когнитивные характеристики (как у понятия);
- 2) структурную организацию (как у фрейма);
- 3) целостность восприятия (как у гештальта);
- 4) культурно-ценностную маркированность.

Этот синтетический характер делает концепт ключевой категорией для исследования взаимосвязи языка, мышления и культуры в современной лингвистике.

Таким образом, В. И. Карасик и его единомышленники обосновывают терминологический выбор зависимостью от исследовательской парадигмы: в психологических исследованиях наиболее релевантным термином для обозначения ментальных репрезентаций выступает «гештальт», в когнитивной науке – «фрейм», тогда как в лингвокультурологии и культурологии – «концепт».

Учитывая продуктивность сочетания лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов, в лингвистических исследованиях в качестве базового термина правомерно использовать именно «концепт», рассматривая его фреймовую организацию как важнейший структурный компонент. Такой синтетический подход позволяет учитывать

когнитивные механизмы формирования концептов (фреймовую структуру), анализировать их культурную специфику и ценностную маркированность и исследовать языковые репрезентации концептов в их системных связях.

Таким образом, концепт с его фреймовой организацией становится ключевым объектом междисциплинарных лингвистических исследований, объединяющих когнитивный и культурологический подходы [13].

Исследователи считают, что концепт как высокоабстрактное ментальное образование обладает принципиальной связью со словом. Данная связь подразумевает включение в его структуру не только предметной отнесенности, но и всей коммуникативно релевантной информации. В первую очередь, это касается позиции языкового знака в лексической системе, включая его парадигматические, синтагматические и словообразовательные связи – то, что Ф. де Соссюр определял как «значимость», отражающую «лингвистическую ценность внеязыкового объекта».

Семантическая структура концепта охватывает также прагматические аспекты языкового знака, связанные с его экспрессивной и иллокутивной функциями, что коррелирует с эмоциональной «переживаемостью» и «интенсивностью» духовных ценностей, на которые он указывает. Важным компонентом семантики языкового концепта выступает когнитивная память слова, фиксирующая его исходные смысловые характеристики и связь с системой духовных ценностей языкового сообщества. Однако ключевое значение приобретает культурно-этнический компонент, определяющий специфику семантики языковых единиц и воплощающий «языковую картину мира» носителей данной культуры [13].

Современные исследователи (В. В. Красных, В. И. Карасик, Л. О. Чернейко и др.) рассматривают концепт как трехмерное образование,

включающее предметно-образный, понятийный и ценностный компоненты.

Предметно-образная составляющая концепта объединяет перцептивные характеристики (зрительные, слуховые, тактильные, вкусовые, обонятельные) объектов и явлений действительности, зафиксированные в человеческой памяти. Эти сенсорные образы представляют собой значимые признаки эмпирического опыта.

Понятийный аспект концепта отражает его языковую репрезентацию через систему вербальных обозначений, дефиниций, признаков структур и сравнительных характеристик относительно других концептов. Этот компонент обеспечивает концепту формально-логическую определенность.

Ценностная (интерпретационная) составляющая определяет значимость концепта как для отдельного индивида, так и для всего языкового сообщества. Этот аспект раскрывает культурную и социальную релевантность концепта, его место в системе коллективных представлений и индивидуального мировосприятия [37].

Важным аспектом в понимании природы концепта выступает положение о принципиальной неполноте его вербального выражения. Как обосновывают З. Д. Попова и И. А. Стернин, это обусловлено тремя фундаментальными причинами.

Во-первых, концепт как продукт индивидуального познания требует для своей вербализации комплексной системы языковых средств, которая никогда не может быть исчерпывающей.

Во-вторых, сама структура концепта, характеризующаяся объемностью и отсутствием жестких границ, делает невозможным его полную вербализацию. Являясь многомерным образованием, концепт всегда превосходит возможности своего языкового воплощения.

В-третьих, практическая невозможность фиксации всех потенциальных способов вербализации концепта в речи дополнительно

подтверждает тезис о принципиальной невыразимости концепта в полном объеме. Это связано как с безграничностью концептуального содержания, так и с вариативностью его языковых репрезентаций [28].

Концепт как ключевая категория гуманитарного знания представляет собой сложное гетерогенное образование. В научной литературе принято различать конкретные и абстрактные, индивидуальные и коллективные концепты, включая их транскультурные универсальные формы.

В рамках лингвокультурологического и когнитивного подходов многие исследователи подчеркивают принципиальную взаимосвязанность концептов в качестве их ключевого свойства. Д. С. Лихачев вводит для обозначения этой системы термин «концептосфера», понимая под концептом своеобразный заместитель базового словарного значения.

Ученый предлагает рассматривать концепт как «алгебраическое выражение значения» – абстрактную формулу, которой мы оперируем в речевой деятельности. При этом совокупность потенциальных смыслов, заключенных как в индивидуальном лексиконе человека, так и в языке в целом, образует, исходя из работ Д. С. Лихачева, концептосферу – сложную систему взаимосвязанных концептуальных образований [21].

Концептосфера, таким образом, представляет собой динамическую систему, отражающую как личный опыт носителя языка, так и культурные коды всего языкового сообщества, таким образом концептосфера языка находится в тесной взаимосвязи с концептосферой культуры.

При изучении концептов исследователи фокусируются не на объективной реальности как таковой, а на её преломлении в коллективном сознании народа и его историческом развитии. Такой подход предполагает необходимость синхронно-этимологического анализа, который позволяет выявить не просто отдельные элементы действительности, а проследить эволюцию познавательных процессов и реконструировать формирование языковой картины мира [13].

Проведенный анализ теоретических исследований свидетельствует, что введение в научный оборот категории «концепт» открывает новые перспективы для изучения взаимосвязей между языком, сознанием и культурой. Это, в свою очередь, способствует развитию междисциплинарного диалога между когнитивной лингвистикой, лингвокультурологией, психологией, культурологией и философией. Подобный синтез методологических подходов существенно расширяет возможности содержательного анализа языковых феноменов, придавая семантическим исследованиям новую глубину и эффективность.

Несмотря на многообразие существующих дефиниций, в научном сообществе сложился консенсус относительно статуса концепта как базовой единицы ментального пространства. Концепт выполняет две фундаментальные функции:

1. Организует знания о мире.
2. Фиксирует национально-культурную специфику его восприятия [13].

В нашем исследовании мы также обращаем внимание на структуру концепта, так как именно ее мы будем анализировать во второй главе.

Структура концепта традиционно анализируется через призму ядерно-периферийной организации, предполагающей наличие центрального компонента и окружающих его дополнительных элементов. Ядро концепта представляет собой его смысловую основу, содержащую наиболее значимые и устойчивые компоненты, которые определяют сущностные характеристики данного ментального образования. Эти ключевые элементы (концептуальные признаки) могут вербализоваться через различные лексико-грамматические классы слов, сохраняя при этом свою концептообразующую функцию.

Периферийная зона концепта включает менее устойчивые и более вариативные компоненты, отражающие дополнительные аспекты его содержания. Данные концептуальные признаки отличаются большей

динамичностью и подверженностью трансформациям под влиянием социальных и когнитивных факторов. Именно периферия концепта, обладая повышенной чувствительностью к внешним воздействиям, часто становятся катализатором изменений в социально-политическом дискурсе. В лексико-семантическом выражении концепта к периферии относятся единицы, характеризующиеся меньшей частотностью употребления и более узкой сферой функционирования в языковой системе [38].

Таким образом, для нашего исследования важно понимания концепта через лингвокультурный подход, которое заключается в том, что концепт – это многомерное ментальное образование, отражающее в языке и культуре совокупность знаний, представлений, ценностей и ассоциаций, связанных с определенным явлением или фрагментом действительности. Данное определение отвечает задачам и целям нашей работы.

1.3 Медиатекст как объект лингвистического исследования

В нашем исследовании мы изучаем функционирование концепта «искусственный интеллект» в американских и российских медиатекстах, следовательно, требуется рассмотреть понятие «медиатекст».

Чтобы получить наиболее полное представление о каком-либо понятии, необходимо обратить внимание на его историю.

Понятие «медиатекст» сформировалось в англоязычной академической традиции на рубеже XX-XXI веков как закономерный этап развития медиатеории и исследований коммуникации. Первоначально этот термин получил активное употребление в западной лингвистике, а впоследствии был адаптирован и прочно вошёл в понятийный аппарат российской науки [17].

Это понятие стало применяться к текстам, которые функционируют в сфере массовой коммуникации, благодаря чему стало возможно

отражение новых методов и форм передачи информации в медиа-среде [11].

Активное внедрение термина «медiateкст» в российскую науку относится к началу XXI века – периоду становления новых исследовательских областей, включая медиалингвистику как дисциплину, специализирующуюся на изучении медийных текстов. Использование данного термина в отечественной науке ассоциируется с работами российских лингвистов, прежде всего Т. Г. Добросклонской, впервые применившей это понятие в 2000 году в рамках адаптации западных лингвистических подходов [32].

В современной науке существует несколько определений медiateкста. В словаре терминов по медиаобразованию, медиапедагогике, медиаграмотности приводится следующее:

Медiateкст является материализованным результатом медиапроизводства – информационным сообщением, воплощённым в той или иной медиаформе. Данный медиапродукт охватывает все существующие виды и жанры медиаконтента: печатные материалы (статьи), телевизионный контент (программы), видеопродукцию (клипы, фильмы), а также рекламные сообщения [23].

Также понятие медiateкста можно рассматривать с точки зрения разных подходов.

1. Лингвистический подход:

Медiateкст – это речевое произведение, созданное в массово-коммуникационной сфере, обладающее структурно-смысловой целостностью и ориентированное на восприятие аудиторией через каналы СМИ.

2. Семиотический подход:

Медiateкст – это сложный знаковый комплекс, включающий вербальные, визуальные и аудиальные элементы, которые функционируют

в медийном пространстве и требуют интерпретации с учетом культурного контекста.

3. Медиаобразовательный подход:

Медiateкст – любой продукт медиа (статья, фильм, реклама, пост в соцсетях), который может быть проанализирован с точки зрения его создания, распространения и воздействия на аудиторию.

4. Социокультурный подход:

Медiateкст – это культурный артефакт, отражающий идеологии, ценности и стереотипы общества, транслируемый через медиаканалы и формирующий общественное сознание.

5. Коммуникативный подход:

Медiateкст – это сообщение, созданное с помощью медиатехнологий и адресованное массовой аудитории, обладающее признаками поликодовости (сочетание текста, изображения, звука).

6. Современный цифровой контекст:

Медiateкст – это мультимодальный цифровой контент, включающий гипертекстуальность, интерактивность и алгоритмическую адаптацию под пользователя (например, посты в соцсетях, видеоролики, мемы).

Медiateкст как объект лингвистических исследований представляет собой многомерное и интегративное явление, которое может рассматриваться с разных точек зрения. Медiateкст объединяет различные уровни коммуникативного взаимодействия и отражает динамические изменения в языковом пространстве современных СМИ.

В условиях современного информационного общества медiateкст приобретает статус центрального элемента системы массовой коммуникации. Его исследование позволяет раскрыть механизмы конструирования социальной реальности через медиа, а также определить воздействие медiateкстов на общественное сознание, языковые нормы и политическую сферу. Междисциплинарный анализ медiateкста, который

осуществляется в современной науке лингвистами, философами, социологами и культурологами, направлен на выявление его коммуникативных характеристик, когнитивных особенностей и ценностных составляющих [20].

Характерной особенностью медиатекста является использование особого медиаязыка, представляющего собой систему конвенциональных выразительных средств и творческих приемов. Этот язык – неотъемлемая составляющая медиаккультуры, охватывающая как материальные, так и интеллектуальные ценности в области медиа [22].

Языковые особенности медиатекстов можно рассматривать на нескольких уровнях.

Если говорить о лексическом уровне, необходимо сказать, что медиатексты обладают ярко выраженной образностью и повышенной экспрессивностью языковых средств, что обеспечивает их сильное эмоциональное воздействие на аудиторию. Их лексический состав отличается насыщенностью специальной терминологией, фразеологическими оборотами, метафорическими конструкциями и устойчивыми словосочетаниями, создающими выраженный манипулятивный и мотивационный потенциал. Существенное влияние на стилистическое своеобразие медиатекстов оказывают региональные языковые особенности и специфика медийных жанров [30].

Что касается стилистических особенностей медиатекстов, то надо отметить, что лексико-стилистическое своеобразие медиатекстов обусловлено их прагматической направленностью:

- 1) убеждающее воздействие;
- 2) минимизация коммуникативного барьера;
- 3) выстраивание имиджевой стратегии.

Данные функции реализуются через систему языковых средств (например, вопросы, призывы, эллипсисы и др.), которые придают тексту

черты диалога автора медиатекста с читателем и воспроизводят особенности разговорного стиля [7].

На синтаксическом уровне в медиатекстах активно используются простые и сложносочинённые предложения, а также синтаксические структуры, обеспечивающие доступности восприятия информации и ее лаконичность. Для того чтобы усилить выразительность текста, нередко применяют синонимы, повторы, параллелизм и инверсию, что также способствует акцентированию внимания читателя на ключевой информации [22].

Медиатексты выступают важнейшим фактором языковой динамики, активно участвуя в распространении новых лексических единиц, трансформации языковых предпочтений и сохранении культурной идентичности. Их исследование позволяет выявить механизмы того, как изменяется язык под влиянием массовой культуры и процессов глобализации [8].

Российские исследователи отмечают, что медиатекст представляет собой синтез медийного и вербального компонентов, в котором пересекаются сложная природа языковой системы как творческого материала, индивидуальные языковые предпочтения автора, специфические характеристики медийной платформы (печатного СМИ, телеканала, радиостанции) [41]. Изучая медиатексты определенной страны, мы можем получить некое представление о языковой картине мира.

В современных исследованиях медиатекст рассматривается как важнейший элемент культурного пространства. Ученые подчеркивают, что язык массмедиа, пронизывая единое информационное поле общества, фактически становится выражением коллективного сознания нации в его современном состоянии [18].

Изучая тексты СМИ в когнитивном аспекте, среди всех значимых свойств, которыми они обладают, Т. Г. Добросклонская выделяет три основных: отражающее, организующее и формирующее [9].

Отражающее свойство СМИ проявляется в их способности фиксировать окружающую действительность при реализации информационной функции, что играет определяющую роль в конструировании медийной картины мира.

Организирующее свойство заключается в систематизации информационного пространства через устойчивые концептуальные схемы, воплощенные в характерных для СМИ тематических доминант (политика, экономика, культура и др.), что обеспечивает создание целостной и структурированной реальности.

Формирующее свойство медиатекстов выражается в их способности воздействовать на ценностную ориентацию аудитории и конструировать общественное мнение за счет распространения ключевых концептов и стереотипов [3].

Как отмечает Т. В. Чернышова, медиатексты и язык массовой информации в целом репрезентируют собой «национальный поток сознания» современной эпохи. Это ментально-языковое пространство служит площадкой для взаимодействия элементов национальной картины мира, которые находят отражение в языковом сознании как создателей, так и потребителей медиаконтента [40].

Для лингвистического анализ медиатекстов необходимы разнообразные методы, которые можно разделить на несколько основных групп:

Стилистический анализ, который позволяет определить особенности языкового оформления медиатекста, его речевого стиля и кодирования информации [15].

Дискурсивный анализ, который изучает стратегические языковые приемы, использованные в медиатексте для формирования определенной интерпретации информации и воздействия на аудиторию [14].

Прагмалингвистический анализ, в ходе которого исследуются коммуникативные функции и намерения автора, а также то, как автор взаимодействует с читателем.

Мультимодальный анализ, который акцентирует внимание на сочетании вербальных и невербальных знаков в медиатексте, включая визуальные и аудиальные компоненты.

Корпусные методы, которые позволяют выявлять частотные лексические единицы и их семантические и грамматические особенности в больших объемах материалов медиатекстов [2].

Ещё одним значимым направлением является лингвокультурологический анализ, в рамках которого медиатекст рассматривается как носитель культурных кодов и ценностей, отражающих и формирующих языковую и ментальную картину мира общества [4].

Т. В. Чернышова предложила методику комплексного лингвистического анализа медиатекстов для исследования медийной картины мира, включающую два основных компонента: стилистический (со смысловым анализом как его этапом) и интерпретационный анализ.

Стилистический анализ, как известно, нацелен на выявление основной идеи текста, что предполагает изучение как плана выражения (языковых единиц и их организации), так и плана содержания. При этом особое внимание уделяется не только денотативным, но и коннотативным аспектам смысла (экспрессивным, эмоциональным, образным, оценочным), формирующим аффективный компонент текста. Исследовательница вводит понятие «эмоциональный тон высказывания», определяя его как эмоциональную окрашенность, обусловленную контекстом и зависящую от доминирующей в нем эмоции. Как она отмечает, аффективный компонент выявляется в ходе смыслового анализа. Его изучение важно, поскольку он отражает как осознанные аспекты человеческой деятельности, так и неосознаваемые проявления личности.

Кроме того, анализ аффективного компонента позволяет выявлять имплицитные смыслы (речевую агрессию, эмпатию, рекламные послы и др.), что подтверждает его диагностическую ценность.

Второй ключевой компонент комплексного лингвистического анализа представляет собой интерпретацию текста, под которой понимается специальная процедура декодирования вербальных и невербальных знаков (слов, символов, жестов). Интерпретационное измерение языкового значения определяется различными типами контекстов (социокультурным, прагматическим, ситуационным и др.) и выявляется при анализе интенциональной составляющей высказывания. В рамках интерпретационного анализа устанавливается так называемый «вектор ассоциаций» – направление смысловых связей, обусловленное концептуальной системой текста. Данный параметр позволяет реконструировать особенности языкового сознания автора [15].

Медиатекст формирует сложную семиотическую систему, воплощающую средства массовой коммуникации в современном информационном обществе. Его лингвистическое исследование требует комплексного подхода, объединяющего различные языковедческие методы с учетом междисциплинарных, культурологических и коммуникативных аспектов. Значительное влияние медиатекстов на языковую систему, культурные нормы и общественное сознание определяет их как важный объект научного изучения. Это воздействие обуславливает необходимость постоянного совершенствования теоретико-методологической базы исследований в области медиалингвистики.

Таким образом, лингвистическое исследование медиатекстов представляет собой важнейший инструмент осмысления современных коммуникативных практик, позволяя получить целостное понимание процессов трансформации языка и культуры под влиянием глобальных медиатехнологий.

Выводы по первой главе

В данной главе мы выполнили первые три задачи из заявленных нами в введении нашего исследования и пришли к следующим выводам.

Искусственный интеллект рассматривается как динамично развивающаяся область науки и технологий, направленная на создание систем, способных воспроизводить когнитивные функции человека. В работе подчеркивается, что искусственный интеллект эволюционировал от узкоспециализированных задач (слабый ИИ) до гипотетического сверхума, способного превзойти человеческие возможности. Важными аспектами искусственного интеллекта являются его способность к самообучению, адаптации и принятию решений в условиях неопределенности, что отличает его от традиционного программного обеспечения.

Мы определили, что концепт трактуется как сложное ментальное образование, объединяющее рациональные, эмоциональные и культурные компоненты. В работе выделяются два основных подхода к изучению концептов: лингвокогнитивный (акцентирующий внимание на концепте как единице мышления и памяти) и лингвокультурный (рассматривающий концепт как «сгусток культуры», отражающий коллективные ценности и смыслы), и в практической части исследования будем применять лингвокультурный подход. Структура концепта включает ядро (устойчивые признаки) и периферию (вариативные компоненты), что позволяет анализировать его эволюцию в дискурсе. Концепт также выполняет ключевую роль в организации знаний и фиксации национально-культурной специфики, что делает его центральным объектом исследования в лингвистике и смежных дисциплинах.

Мы выяснили, что медиатекст определяется как многомерный коммуникативный продукт, сочетающий вербальные и невербальные

элементы (текст, изображение, звук). Его ключевые особенности: включают прагматическую направленность, поликодовость и культурную репрезентацию.

Теоретическая основа главы демонстрирует взаимосвязь между ИИ, концептами и медиатекстами: ИИ выступает как технологический феномен, концепты – как ментальные репрезентации, а медиатексты – как каналы их трансляции. Это создает базу для дальнейшего исследования репрезентации ИИ в медиадискурсе. Установленные закономерности подчеркивают значимость междисциплинарного подхода, объединяющего когнитивную лингвистику, медиаисследования и теорию коммуникации.

ГЛАВА 2. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОНЦЕПТА «ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ»

2.1 Репрезентация концепта «искусственный интеллект» в американских медиа

Для определения структуры концепта «искусственный интеллект» в английском языке, для выделения концептуальных признаков в ядре и периферии, мы использовали материалы американского медиа CNN (Cable News Network). Согласно последним данным, новостной сайт CNN находится на втором месте по популярности [55].

Проанализировав 30 публицистических статей, в которых мы выделили 123 контекстуальных единицы, вербализующих концепт «искусственный интеллект», мы можем отметить, что ядро концепта «искусственный интеллект» включает такой концептуальный признак, как «инструментальность» (25,2% контекстуальных единиц). В медиатекстах этот признак вербализуется с помощью следующих лексических единиц. Существительные “tool” – «инструмент», а также “product” – «продукт» часто используются как заместительные синонимы или как определения искусственного интеллекта, что способствует объективации искусственного интеллекта. Признак «инструментальность» также вербализуется с помощью грамматических средств. В медиатекстах используется пассивный залог: “AI can be used to improve productivity”, “AI could be used to manipulate public opinion”, “It’s the first time artificial intelligence has been used in such a way aboard a US military aircraft”. Кроме того слово «искусственный интеллект» выступает в роли прямого дополнения, тогда как в роли подлежащего может находиться название корпорации, слово «человек», представитель какой-либо профессии и т.д., что тоже способствует объективации искусственного интеллекта: “Apple,

like every other big player in tech, is scrambling to find ways to inject AI into its products”, “most Americans expressed “significant discomfort” about the idea of their doctors using AI”, “the whole idea is to be the human who is using AI, to learn it”, “candidates should never blindly use AI”, “workers should know how to use AI tools”. Концептуальный признак «инструментальность» вербализуется и с помощью синтаксических единиц, а именно идиом и метафор. Например, в предложении “AI can fall into the hands of malign forces” используется идиома, которую можно перевести как «попасть в лапы злодеям», и эта идиома не демонстрирует искусственный интеллект в качестве актора. Как и метафора “arms race” (“Traders have also been bidding up the stocks of much smaller, unprofitable companies that are trying to make a name for themselves in the AI arms race”). «Гонка вооружений» не подразумевает какой-либо субъектности у «вооружения», то есть у искусственного интеллекта.

Тем не менее, в ядро концепта «искусственный интеллект» также входит концептуальный признак «субъектность» (16,26% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью лексических единиц. В медиатекстах применяют глаголы, использование которых характерно для описания одушевленных субъектов (“save the world or destroy it” – «спасти мир или уничтожить», “AI could fabricate data” – «ИИ может подделывать информацию», “you have to educate AI” – «нужно обучать ИИ», “artificial intelligence guides” – «искусственный интеллект направляет», “AI can also help and recommend the next show” – «ИИ может помочь и порекомендовать новый сериал», “The bots are hallucinating”, – «боты испытывают галлюцинации». “AI can assist” – «ИИ может помочь», “AI chews through data” – «ИИ проглатывает данные»), и через прилагательные (“hostile” – «враждебный», “racist” – «расистский», “sexist” – «сексистский»).

После проведенного нами анализа мы также можем отметить, что в концепте «искусственный интеллект» примерно равнозначно репрезентированы такие концептуальные признаки, как «полезность» и

«опасность» хотя концептуальный признак «полезность» немного преобладает (15,45% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью синтаксических единиц. В медиатекстах присутствуют предложения, в которых описываются важные результаты, достигнутые с помощью искусственного интеллекта (“thanks to... artificial intelligence, [information from ancient scrolls] now lies within reach” – «благодаря искусственному интеллекту [информация из древних свитков] теперь в пределах досягаемости»; “AI... makes workers more productive” – «ИИ делает рабочих более продуктивными»; “AI’s astonishing productivity could help curb inflation” – «потрясающая продуктивность ИИ может помочь снизить инфляцию»). Также концептуальный признак «полезность» вербализуется через словосочетания, выражающие положительные характеристики искусственного интеллекта (“improve productivity and expand access to education, mental health care and more” – «улучшить продуктивность и расширить доступ к образованию, ментальному здоровью и большему», “unique content” – «уникальный контент», “potential for faster game development” – «потенциал для более быстрого развития игр», “help with speed and precision” – «помощь со скоростью и точностью»).

Искусственный интеллект применяется во многих сферах жизни, что можно увидеть на рисунке 1.

Рисунок 1 – Сферы применения ИИ в соответствии с американскими медиа

Концептуальный признак «опасность» тоже входит в ядро концепта «искусственный интеллект» (13,82% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью лексических единиц. Глаголы, используемые в предложениях со словом «искусственный интеллект», имеют негативный денотат (“manipulate” – «манипулировать», “fabricate” – «подделывать»), выражают тревогу (“experts worry” – «эксперты переживают»). Также признак «опасность» вербализуется с помощью синтаксических единиц. В медиатекстах присутствуют словосочетания, обозначающие конец света (“pose ‘extinction-level’ threat to humans” – «представлять собой угрозу на уровне вымирания человечества», “pose an existential threat” – представлять собой угрозу существования»).

Что касается периферии изучаемого нами концепта, то мы можем сказать, что в нее входит такой концептуальный признак, как «предмет для дискуссий» (9,76% контекстуальных единиц). Говоря об искусственном интеллекте, люди одновременно испытывают воодушевление, смешанное с опасением. Этот признак вербализуется с помощью лексических единиц, а именно существительных, которые используются при описании искусственного интеллекта (“excitement and debate” – «воодушевление и

споры», “concerns and potential problem” – «тревоги и потенциальные проблемы»). Также признак «предмет для дискуссий» вербализуется с помощью синтаксических единиц. В медиатекстах присутствует идиома (“it may be a digital step too far” – «возможно, это будет уже чересчур»), и двойственные чувства к искусственному интеллекту подчеркивают противопоставления, используемые в медиатекстах: “save the world or destroy it” – «спасти мир или уничтожить»; “AI can assist humans rather than replace them entirely” – «ИИ может помочь людям, а не полностью их заменить»; “AI can make your job hunt easier and faster but people should never blindly use AI” – «ИИ может сделать поиск работы легче и быстрее, но люди никогда не должны слепо использовать ИИ»; “AI doesn’t necessarily replace humans, but rather enhances the work of humans” – «ИИ необязательно заменит людей, но скорее улучшит работу людей». Искусственный интеллект активно обсуждается в СМИ, и часто его признаки как чего-то опасного или полезного приводятся одновременно в одном предложении.

Наряду с этим в периферию концепта «искусственный интеллект» входит концептуальный признак «ненадежность» (8,13% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью следующих лексических единиц: “latest craze” – «последнее увлечение», “bubble” – «мыльный пузырь, который скоро лопнет». Также признак «ненадежность» вербализуется с помощью синтаксических единиц. В медиатекстах используются ироничные вопросы об истинной пользе искусственного интеллекта в данный момент с незамедлительными ответами (“Why? Well, it’s the future! What problems is it solving? Well, so far that’s not clear! Are customers demanding it? LOL, no.” – Зачем? Ну, это будущее. Какие проблемы он решает? Ну, пока что не ясно. Покупатели его требуют? Лол, нет) и фраза “the bots are hallucinating” – «боты испытывают галлюцинации». Также в предложениях, касающихся искусственного интеллекта, присутствуют идиомы “latest tech flavor of the month” –

«последний писк моды в сфере технологий», “a passing fad” – «мимолетное увлечение», “bandwagon” – «модное увлечение».

Следующим заметным концептуальным признаком, входящей в периферию концепта «искусственный интеллект», является важность искусственного интеллекта для настоящего и будущего (8,13% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью синтаксических единиц. В медиатекстах используются фразы, описывающие тесную связь ИИ с будущим (“critical to the future” – «критически важен для будущего», “rapidly evolving” – «быстро развивающийся», “AI is opening up a new frontier” – «ИИ открывает новые рубежи», “rapid growth of AI” – «быстрый рост ИИ»); предложения, исходя из которых становится понятно, насколько значимым искусственный интеллект является в настоящем (“ChatGPT kickstarted the current AI frenzy” – «ChatGPT запустил сегодняшний ажиотаж по поводу ИИ», “huge part of the pop culture zeitgeist” – «огромная часть духа современной поп-культуры»), а также идиомы, подтверждающие существенность ИИ для настоящего момента, а потом и для будущего (“latest tech flavor of the month” – «последний писк моды в сфере технологий», “AI is no passing fad” – «не мимолетное увлечение», “companies are now rushing to jump on the AI bandwagon” – «компании теперь стремятся не отставать от моды на ИИ»).

Наименее репрезентируемым признаком в периферии концепта «искусственный интеллект» является состязательность (3,25% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью лексических единиц. В проанализированных нами статьях об искусственном интеллекте встречается слово “race” в значении «гонка» (“concerns [about] an ongoing [AI] race”; “Apple’s stake in the AI race against competitors”) и даже устойчивое выражение “arms race”, что переводится как «гонка вооружений» (“companies are trying to make a name for themselves in the AI arms race”), и это подчеркивает серьезность соревновательности компаний, занимающихся искусственным

интеллектом. Скорость, которая требуется для конкуренции в сфере искусственного интеллекта, также проявляется через глагол “accelerate” (“[they try to] accelerate AI development”), что означает «ускорить» [43].

Таким образом, можно сделать вывод, что в ядро концепта «искусственный интеллект» в американских медиа входят такие концептуальные признаки, как «инструментальность» (25,2% контекстуальных единиц), «субъектность» (16,26% контекстуальных единиц), «полезность» (15,45% контекстуальных единиц) и «опасность» (13,82% контекстуальных единиц).

В периферию входят такие концептуальные признаки, как «предмет для дискуссий» (9,76% контекстуальных единиц), «ненадежность» (8,13% контекстуальных единиц), «важность искусственного интеллекта для настоящего и будущего» (8,13% контекстуальных единиц) и «состязательность» (3,25% контекстуальных единиц). Структура ядра и периферии концепта представлена на рисунке 2.

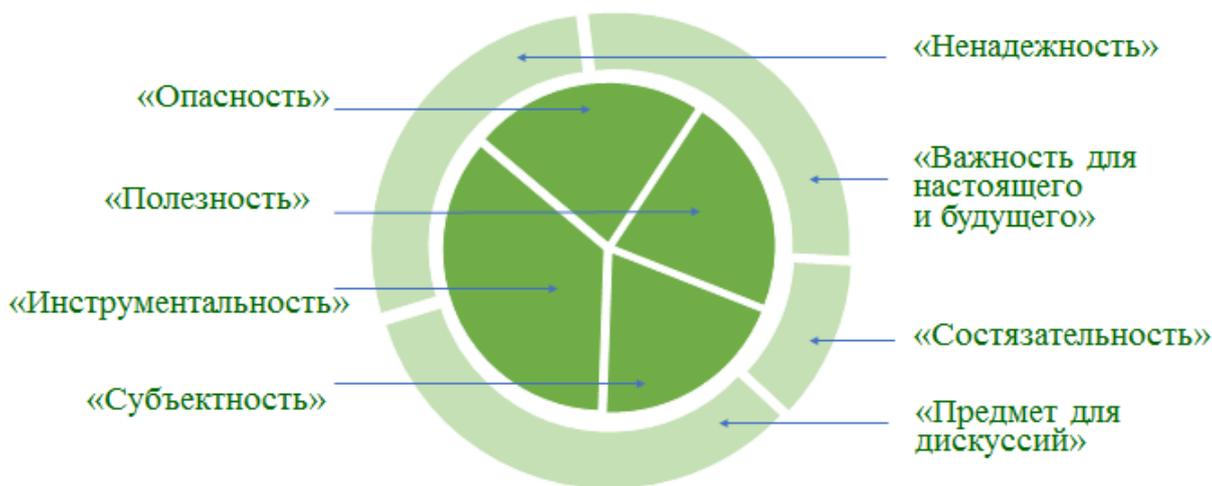

Рисунок 2 – Структура концепта «искусственный интеллект» в американских медиа

2.2 Репрезентация концепта «искусственный интеллект» в российских медиа

Для того, чтобы определить структуру концепта «искусственный интеллект» в русском языке, выделив ядро и периферию, мы используем анализ материалов российского новостного интернет-издания Lenta.ru, также называемого «Лента.ру». Согласно последним данным, новостной сайт Lenta.ru находится на втором месте по популярности [31].

Проанализировав 31 статью, в которых мы выделили 123 контекстуальных единицы, репрезентирующие концепт «искусственный интеллект», мы можем отметить, что его ядро включает в первую очередь концептуальный признак «полезность» (32.52% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью служебных слов, а именно предлога «благодаря» [искусственному интеллекту] в значении «по причине, основанию», и этот предлог употребляется в тех случаях, когда причина является положительной. Этот признак также вербализуется с помощью лексических единиц. В медиатекстах присутствуют прилагательные, описывающие искусственный интеллект как «ценный» и «эффективный», а также дающие позитивные характеристики результатам использования искусственного интеллекта: «уникальные» тексты, «креативные» идеи, «полезная» информация. О положительных последствиях применения искусственного интеллекта также говорят с помощью существительных: в статьях можно увидеть такие слова, как «безопасность, точность и скорость», «отсутствие усталости и выгорания», «преимущества» и «повышение когнитивных способностей». Также позитивное влияние искусственного интеллекта подчеркивается наречиями «мгновенно» и «лучше». Признак «полезность» вербализуется и с помощью синтаксических единиц. В медиатекстах представлены фразы, в которых описываются положительные результаты, достигнутые с помощью искусственного интеллекта: искусственный интеллект в проанализированных нами медиатекстах «помогает людям» в повседневной жизни, в процессе ведения боевых действий, в научной деятельности и в бизнесе, а также «позволяет добиться» более хороших

результатов в сферах здоровья, войны и нефтяной промышленности, «повышает эффективность» использования ресурсов, «выявляет различные отклонения в здоровье», «улучшает и упрощает пользовательский опыт», а также дает возможность легче «понять» предлагаемые товары и даже выиграть в лотерею. Этот признак вербализуется с помощью следующих синтаксических единиц, которыми являются словосочетания, характеризующие позитивные последствия использования ИИ: «[искусственный интеллект] дает понимание киберугроз и их вероятность»; «сохраняет жизни»; «способен дать новую жизнь десяткам промыслов по всей России»; «приносит пользу как бизнесу, так и обычным людям в быту»; «устраняет угрозы без участия человека 24/7»; «откроет новые горизонты в индустрии»; «усиливают человека» в рутинной деятельности, будь то написание статьи или подготовка презентации по работе; «снижает затраты» и «увеличивает доходы».

Также концептуальный признак «полезность» репрезентирован в медиатекстах в различных сферах применения, например: патриотизм («искусственный интеллект становится мощным инструментом сохранения исторической памяти»), здоровье («в России создали нейросеть, которая способна на раннем этапе выявлять различные отклонения в здоровье») и экология (искусственный интеллект «будут использовать для уборки мусора на берегах водоемов в России»). Это можно увидеть на рисунке 3.

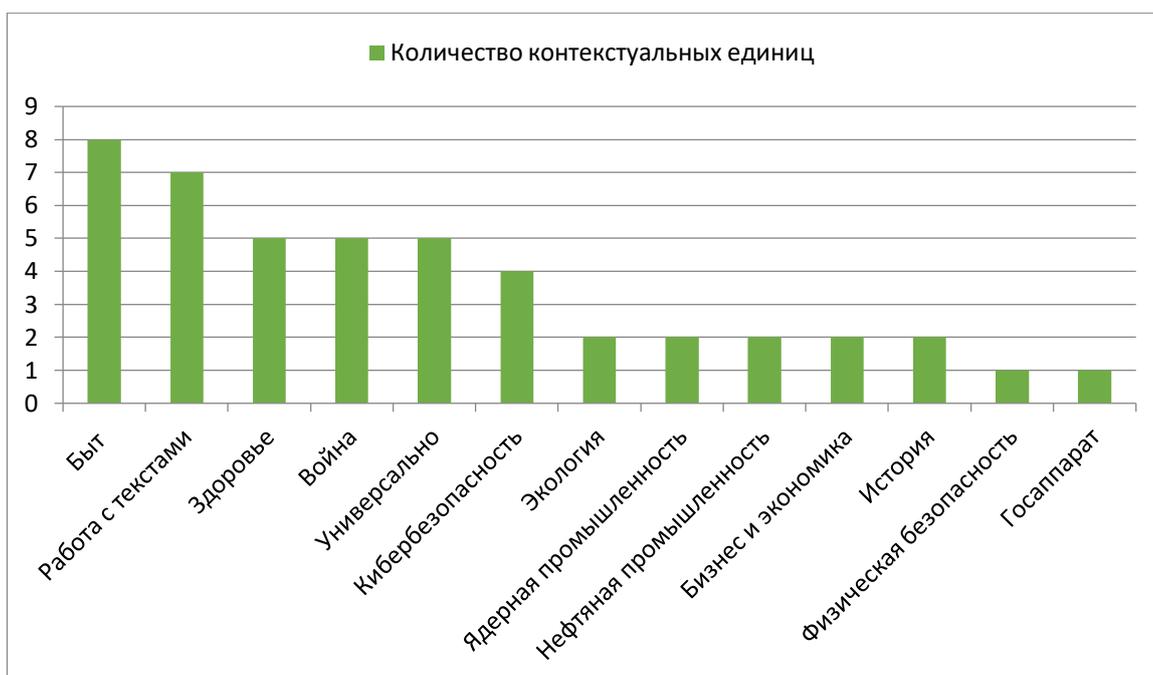

Рисунок 3 – Сферы применения ИИ в соответствии с российскими медиа

Намного меньшую, но, тем не менее, существенную часть ядра концепта «искусственный интеллект» представляет собой концептуальный признак «опасность» (16.26% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью лексических единиц. В медиатекстах, касающихся искусственного интеллекта, присутствуют следующие существительные, выражающие опасные для общества феномены, которые связываются с искусственным интеллектом: злоумышленники, опасность, дезинформация, дипфейки, хакеры, риск взлома и манипулирования, пропаганда, скандал. Также используются и прилагательные с негативным значением: сам искусственный интеллект называют «угрожающим», ведь он делает знания «устаревшими и ненужными», а тексты, которые создаются с помощью искусственного интеллекта, являются «идеологизированными». Глаголы, которые применяются в медиатекстах об искусственном интеллекте, тоже подчеркивают его опасность и вред: искусственный интеллект способен «перехитрить» человека, и на него «жалуются». Этот признак вербализуется и с помощью синтаксических единиц. В качестве синонима деятельности искусственного интеллекта, а именно генерации изображений, применяется фразеологизм «бес попутал»,

означающий поддаться соблазну сделать нечто предосудительное, склонить к плохому, глупому или необдуманному поступку. В некоторых медиатекстах об искусственном интеллекте говорится настолько негативно, что используются выражения, дающие представления о том, что искусственный интеллект приведет к концу света: «нейросети выйдут за пределы интернета, перехватят управление всеми процессами на планете и избавятся от людей»; «дальнейшее развитие искусственного интеллекта может поставить точку в развитии человечества»; «искусственный интеллект может создать куда более серьезные проблемы, угрожающие жизни на Земле как таковой». В качестве демонстрации негативных последствий искусственного интеллекта присутствуют следующие словосочетания: искусственный интеллект может «создать куда более серьезные проблемы», «отнять у людей работу», «нарушать конфиденциальность», создавать «шаблоны фишинговых атак» и становиться причиной «42,5 процента финансовых преступлений в мире».

Кроме этого ядро концепта «искусственный интеллект» включает такой концептуальный признак, как «инструментальность» (14.63% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью лексических единиц. В качестве синонимов к слову «искусственный интеллект» употребляются следующие существительные: инструмент, средство и экзоскелет. Эти существительные являются неодушевленными и имеют значения предметов, которые человек использует для достижения своих целей, которых он не смог бы достичь без них. Также в статьях про искусственный интеллект есть существительные, используемые в таком контексте, который демонстрирует объективацию искусственного интеллекта: «применение искусственного интеллекта», «взлом и манипулирование ИИ-системами», «использование ИИ». И тот же корень слова, который выделяется в существительном «использование», присутствует и в других частях речи, которые встречаются в текстах об искусственном интеллекте, в том числе и в причастии («организации,

использующие AI»). Концептуальный признак «инструментальность» вербализуется и с помощью грамматических средств, а именно благодаря использованию страдательного залога («ИИ уже активно применяется военными»). В медиатекстах также присутствуют неопределенно-личные предложения с глаголами, по значению которых становится понятно, что искусственный интеллект не является актором («в их компании используют ИИ», «ИИ всюду уже применяют, «искусственный интеллект (ИИ) будут использовать для уборки мусора»), и предложения, где в роли сказуемого выступают одушевленные существительные, а искусственный интеллект является прямым дополнением («злоумышленники активно используют, технологии искусственного интеллекта», «мы внедрили искусственный интеллект»).

Несмотря на наличие концептуального признака «инструментальность», в ядре концепта также присутствует концептуальный признак «субъектность» (11.38%). Этот признак вербализуется с помощью синтаксических единиц. В медиатекстах присутствуют фразы, которые обычно используются для описания действий человека, тем не менее в новостных статьях искусственный интеллект может «глубоко осмыслить исторический контекст и передать эмоциональную силу подвига советского народа»; «совсем запутаться»; «формулировать ответы, делать краткие выжимки из объемных текстов и адаптировать информацию»; «докопаться до систем, сетей, баз данных и моделей поведения»; «принимать разумные решения»; «наводнить каналы пропагандой, «отнять у людей работу и привести к созданию нечеловеческого разума, который способен перехитрить человека»; «не только выполнять задачи, но и самостоятельно формулировать цели». Искусственный интеллект «научился предсказывать риски», «начал создавать» и может помочь, когда женщина «попросила совета у искусственного интеллекта», и «суперумные нейросети выйдут за пределы интернета, перехватят управление всеми процессами на планете и

избавятся от людей». Олицетворение также проявляется в тех медиатекстах, где речь идет об обучении искусственного интеллекта: «искусственный интеллект обучен на распознавание белых медведей на фотографиях»; «мы учим машину»; «необходимо обучать нейросети».

Что касается периферии концепта «искусственный интеллект», то мы можем сказать, что в нее входит такой концептуальный признак, как «предмет для дискуссий» (9.76% контекстуальных единиц). В медиатекстах искусственный интеллект репрезентируется как что-то, что может проявить одновременно положительное и отрицательное влияние на мир, люди не могут дать точный ответ и активно обсуждают искусственный интеллект. Этот признак вербализуется с помощью лексических единиц. В медиатекстах присутствуют такие существительные, как «риск», «вызов», «опасения», «дисбаланс», которые подчеркивают неоднозначное отношение и потребность дискуссий на тему искусственного интеллекта. Кроме того данный концептуальный признак репрезентируется благодаря наречиям: «пока не очень понятно, как эту сферу можно контролировать»; «пока осторожно внедряют генеративный ИИ»; «комментировать невозможно». Также неоднозначное отношение к искусственному интеллекту с последующей потребностью в обсуждении вербализуется с помощью вводного слова «возможно», которое используется в медиатекстах и выражает сомнение и неуверенность говорящего. Идею противопоставления положительных и отрицательных сторон искусственного интеллекта и наличия дискуссий по этому поводу также выражает вводное слово «однако» и уступительная частица «все же» (Несмотря на значительную помощь искусственного интеллекта в составлении текста, «сотрудникам все же пришлось провести работу над фактами, которые нейросеть указывала в текстах»). Концептуальный признак «предмет для дискуссий» вербализуется и с помощью синтаксических единиц. В медиатекстах про искусственный интеллект используются такие фразы, как «неоднозначное влияние», «[ИИ] остается

непредсказуемым», и эта «тема очень сложная юридически и технически». В медиатекстах, говорящих об искусственном интеллекте, не приходят к однозначному выводу о пользе или вреде искусственного интеллекта и используют противопоставления, подчеркивающие как плюсы, так и минусы: «[нужно], чтобы искусственный интеллект эффективно способствовал развитию бизнеса и не порождал потенциальные угрозы».

Также в периферию входит концептуальный признак «важность искусственного интеллекта для настоящего и будущего» (5.69% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью лексических единиц. В медиатекстах присутствуют слова, входящие в семантическое поле будущего времени. Употребляется само слово «будущее», когда говорится об использовании искусственного интеллекта («в будущем технология может быть встроена в больничные мониторы, переносные ЭКГ-рекордеры и даже смарт-часы»), и даже сам искусственный интеллект называют будущим («Искусственный интеллект – это будущее не только России, но и всего человечества»). Присутствует и глагол со значением предсказывать вероятные особенности развития объекта в перспективном периоде, в данном случае искусственного интеллекта: «прогнозируют, что к 2026 году в мире более 100 миллионов человек будут использовать ИИ».

Концептуальный признак «важность искусственного интеллекта для настоящего и будущего» вербализуется и с помощью синтаксических единиц. Наличие во фразах дат и временных промежутков, касающихся будущего, свидетельствует о том, что люди связывают будущее нашего мира с искусственным интеллектом: «почти 70 процентов компаний по всему миру планируют увеличить инвестиции в ИИ в ближайшие три года»; «темпы развития ИИ в России в ближайшие 5-7 лет могут значительно ускориться»; «в ближайшие три-пять лет генеративный ИИ будет играть ключевую роль во многих сферах»; «ИИ в трех-пятилетней перспективе изменит представления людей о мире и жизни».

Кроме этого в периферию концепта «искусственный интеллект» входит концептуальный признак «состязательность» (5.69% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью лексических единиц. В медиатекстах об искусственном интеллекте употребляется слово «гонка»: «реальностью становится и грядущая гонка вооружений между ведущими странами в цифровой сфере»; «страна же, которая первой преуспеет в гонке ИИ, претендует на мировое господство»; «тот, кто отстанет в гонке современных технологий (и в гонке военных технологий), в случае конфликта рискует проиграть в течение очень короткого периода»; «Россия является одним из лидеров гонки в сфере развития технологий искусственного интеллекта»; «[такие] технологии станут следующим полем международной технологической гонки». Скорость, необходимая для конкуренции в сфере искусственного интеллекта, также проявляется через прилагательное в сравнительной степени: «осваивать эти технологии» необходимо «быстрее». Концептуальный признак «состязательность» вербализуется и с помощью синтаксических единиц, а именно следующей фразы: «амбициозная задача – к концу десятилетия войти в первую пятерку стран мира по метрикам ИИ», что не просто подчеркивает важность искусственного интеллекта для будущего, а необходимость сравнивать себя с другими и обязательство быть лучше других.

Следующий концептуальный признак в периферии концепта «искусственный интеллект» тоже связан с состязательностью, однако мы посчитали необходимым выделить его отдельно. Это «достижение лидерства с помощью ИИ» (3,25% контекстуальных единиц). Этот признак вербализуется с помощью лексических единиц. В проанализированных нами медиатекстах, касающихся ИИ, некоторые авторы обращают особое внимание на то, что какой-либо успех был достигнут впервые, и используют в своих статьях именно это наречие: «искусственный интеллект впервые научился предсказывать риск внезапной остановки

сердца»; «искусственный интеллект (ИИ) впервые опередил людей в создании шаблонов фишинговых атак»; «в России впервые выпустили полностью написанную ИИ газету». Также используется однокоренное прилагательное, и вся фраза передает ощущение триумфа, который до этого никто не мог достичь: «России удалось добыть первую в мире нефть, найденную ИИ» [48].

Несколько контекстуальных единиц характеризовали другие концептуальные признаки, однако они представляли собой около одного процента от всей выборки, так что было принято решение не включать их анализ в наше исследование.

Таким образом, можно сделать вывод, что в ядро концепта «искусственный интеллект» в российских медиа входят такие концептуальные признаки, как «полезность» (32.52% контекстуальных единиц), «опасность» (16.26% контекстуальных единиц), «инструментальность» (14.63% контекстуальных единиц) и «субъектность» (11.38%).

В периферию концепта входят такие концептуальные признаки, как «предмет для дискуссий» (9.76% контекстуальных единиц), «важность искусственного интеллекта для настоящего и будущего» (5.69% контекстуальных единиц), «состязательность» (5.69% контекстуальных единиц) и «достижение лидерства с помощью ИИ» (3,25% контекстуальных единиц). Структура ядра и периферии концепта представлена на рисунке 4.

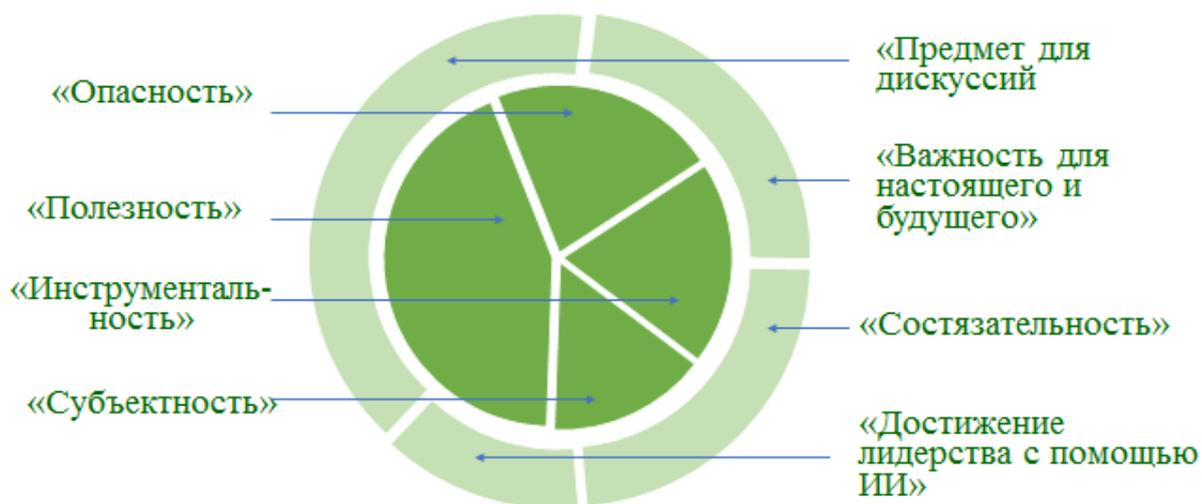

Рисунок 4 – Структура концепта «искусственный интеллект» в российских медиа

2.3 Сопоставление концепта «искусственный интеллект» в американских и российских медиа

В концептах «искусственный интеллект» в американских и российских медиа существуют сходства и различия.

Основное сходство заключается в том, что и в тех, и в других медиа ядро концепта включает такие концептуальные признаки, как «инструментальность», «субъектность», «полезность» и «опасность», а в периферию входят такие концептуальные признаки, как «предмет для дискуссий», «важность искусственного интеллекта для настоящего и будущего» и «состязательность».

Однако, несмотря на наличие одинаковых признаков в ядре, их репрезентативность отличается. Если в американских медиа первоочередным признаком является «инструментальность» (25,2% контекстуальных единиц), то в российских медиа – это «полезность» (32,52% контекстуальных единиц). Объяснением этому может служить ряд политико-экономических причин. 10 октября 2019 года Указом Президента

РФ №490 была утверждена «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». В ней одной из главных целей указывается обеспечение российского рынка доступом к технологиям искусственного интеллекта, которые будут способствовать улучшению уровня жизни граждан, а также активное информирование граждан о возможных сферах использования искусственного интеллекта. В направления реализации федерального проекта входят поддержка разработчиков и популяризация и развитие искусственного интеллекта, таким образом люди будут осведомлены о том, какую пользу может принести искусственный интеллект и будут иметь доступ к положительным результатам внедрения искусственного интеллекта. Также 1 сентября 2022 года был создан Национальный центр развития искусственного интеллекта при Правительстве РФ, чьей главной задачей является организация экспертной и аналитической поддержки для внедрения и развития искусственного интеллекта в экономике и государственном секторе и координация взаимодействия между государственными органами, научными учреждениями, исследовательскими центрами и бизнесом для эффективного развития ИИ-технологий [10]. Благодаря работе этого центра, в России также проще ощутить и увидеть позитивные последствия существования искусственного интеллекта.

Интересно отметить, что в тех случаях, что в концепте «искусственный интеллект» в американских медиа из всех случаев проявления контекстуального признака «полезность», в 22% присутствует также и ярко выраженный контекстуальный признак «инструментальность», а четко определяемый контекстуальный признак «субъектность» присутствует в концепте «искусственный интеллект» только в 11% случаев из всего контекстуального признака «полезность». И наоборот, когда проявляется контекстуальный признак «опасность», в 47% случаев можно отметить контекстуальный признак «субъектность», и

только в 12% случаев идет контекстуальный признак «инструментальность» одновременно с «опасностью».

Совсем в другой конфигурации эти признаки репрезентированы в российских медиа. В них в тех случаях, когда присутствует концептуальный признак «полезность», в 20% контекстуальных единиц можно четко выделить также и концептуальный признак «инструментальность», а ярко выраженный концептуальный признак «субъектность» можно отметить в концепте «искусственный интеллект» в 18% контекстуальных единиц из всех случаев проявления концептуального признака «полезность». В том случае, когда в концепте «искусственный интеллект» присутствует концептуальный признак «опасность», в 15% контекстуальных единиц заметно проявляется концептуальный признак «субъектность» и равнозначно в 15% контекстуальных единиц виден концептуальный признак «инструментальность». Это довольно сильно отличается от параллельной ситуации в американских медиа. В американском концепте «искусственный интеллект» концептуальный признак «опасность» тесно связан с концептуальным признаком «субъектность», и наоборот, в случаях присутствия концептуального признака «полезность» прослеживается и концептуальный признак «инструментальность», однако в случае публицистических статей из российского медиа, как опасность воспринимаются на равном уровне искусственный интеллект-субъект и искусственный интеллект-объект, а ассоциация «полезности» искусственного интеллекта с «инструментальностью» лишь слегка превышает его «субъектность» в контексте «полезности».

Мы можем предположить, что большое количество негатива, ассоциируемое с искусственным интеллектом, обладающим субъектностью, связано со страхом перед неизвестным. Если искусственный интеллект так же разумен, как и человек, то его реакции нельзя предсказать. Еще Говард Лавкрафт, американский писатель и

философ, определил страх неизвестности как один из фундаментальных страхов, присущих человеку. Лавкрафт писал: «Самая старая и сильная эмоция человечества – это страх, а самый старый и самый сильный вид страха – это страх перед неизвестным». Человек также склонен бояться потерять контроль, особенно над тем, что он изобрел. Системы искусственного интеллекта становятся все более сложными и могут потенциально принимать вредоносные решения. Быстрое развитие искусственного интеллекта с его способностью анализировать огромные объемы данных и принимать автономные решения, что создаст потенциальную потерю контроля со стороны человека, вызывает опасения. Страх, что искусственный интеллект может действовать против интересов человека, как преднамеренно, так и непреднамеренно, усиливает эти опасения [46].

Негативную оценку разумного искусственного интеллекта подпитывает угроза, что это приведет к замене человека роботами практически во всех социальных сферах. Поскольку все больше рабочих мест будут автоматизированы, последует глобальная массовая безработица, а присутствие человека станет ненужным [45].

Также причиной соотношения признаков «опасность»-«субъектность» и «полезность»-инструментальность в американских медиа и причиной отсутствия такой четкой корреляции в российских медиа может служить разница в массовых культурах США и России. Самыми известными американскими фильмами, внесшими значительный вклад в культуру страны, являются «Терминатор», «Матрица» и «2001: Космическая одиссея», в которых Скайнет, Агент Смит и HAL 9000 соответственно представлены как субъекты и в которых они являются злодеями. В российском же кинематографе искусственный интеллект обычно не является антропоморфным, и в одном из самых кассовых фильмов за последнее время («Притяжение» 2017 года) искусственный

интеллект репрезентируется как объект, и применять его для пользы или вреда решают люди [6].

Что касается периферии концепта «искусственный интеллект», то в американских медиа репрезентирован признак «ненадежность», который отсутствует в российских медиа. Причиной этого может служить то, что США являются площадкой для множества стартапов в сфере ИИ-технологий, и некоторые из них становятся успешными и популярными на весь мир, но многие оказываются бесполезными, неудобными или даже вредными, и граждане США осведомлены о том, насколько мимолетной может быть новая технология, связанная с искусственным интеллектом. Чат-боты могут игнорировать просьбы пользователей, оскорблять их, лгать им, проявлять дискриминацию, а также давать неверную медицинскую информацию [51]. Конечно, компании прекращают использовать технологии, так вредящие обществу, после чего случаи неправильного срабатывания искусственного интеллекта с последующим его отключением освещаются в американских медиа.

Также еще одно отличие, касающееся периферии концепта «искусственный интеллект» заключается в том, что в российских медиа присутствует концептуальный признак «достижение лидерства с помощью ИИ», который отсутствует в американских медиа. Причиной этого может служить то, что в России государство активно поддерживает развитие искусственного интеллекта и в «Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» указывает одной из главных целей обеспечение стабильной конкурентоспособности экономики РФ и достижение лидирующих позиций в мире в сфере технологий искусственного интеллекта [10]. В условиях текущей геополитической обстановки России как никогда важно занимать лидирующие позиции, так как это снизит зависимость от других стран и позволит усилить переговорные позиции на мировой арене, и эти потребности и амбиции отражаются в медиа.

Итак, сходства между двумя концептами в основном заключаются в наличии одинаковых признаков, которые, однако, репрезентированы в разном объеме, и также отличием является то, что в периферии американского концепте присутствует концептуальный признак «ненадежность», вместо которого в российском концепте наблюдается концептуальный признак «достижение лидерства с помощью ИИ»).

2.4 Применение результатов исследования в образовательном процессе

Рассмотрим возможности интеграции результатов нашего исследования в образовательный процесс.

В ходе производственной (педагогической) практики на пятом курсе нами использовался УМК Starlight-9 для обучающихся девятого класса, который соответствует требованиям федеральных государственных образовательных стандартов и является включенным в Федеральный перечень учебников, допущенных к использованию в школах России. Элементы нашей темы могут быть изучены в рамках пятого модуля «Breakthrough» данного УМК. Изучаемая нами тема хорошо подходит для развития умений говорения.

В соответствии с Федеральной рабочей программой по учебному предмету «Иностранный (английский) язык», обучающиеся девятого класса должны обладать коммуникативными умениями диалогической и монологической речи. Предполагается, что к концу девятого класса обучающиеся научатся вести диалог-расспрос, диалог-побуждение к действию, диалог-обмен мнениями в стандартных ситуациях общения, соблюдая нормы речевого этикета, а также строить связное монологическое высказывание (описание, повествование, рассуждение) в рамках изученных тем [35].

Для обучения монологической речи мы предлагаем несколько заданий в соответствии с путем обучения «сверху вниз», где для развития умений монологической речи используется опорный текст. Мы предлагаем следующий аутентичный текст, адаптированный в соответствии с уровнем обучающихся девятого класса (Приложение 1), под названием «Helpful Or Harmful? How AI Shaped Education In 2023».

Рассмотрим этапы, необходимые для составления монолога-резюме.

На этапе введения обучающимся предлагается обратить внимание на название текста и предположить, о чем может быть речь в тексте. После этого обучающиеся должны высказать то, что они уже знают об искусственном интеллекте, для фронтального выявления знаний.

На этапе активизации обучающиеся самостоятельно читают статью, чтобы составить план текста. Обучающиеся подчеркивают ключевые слова, делят текст на части, дают заголовки каждой части и записывают план текста в тетради.

На этапе актуализации обучающиеся дают устное монологическое изложение пересказа статьи по составленному плану.

Кроме того по этому тексту может быть составлено монологическое высказывание-рассуждение по теме «Is it helpful or harmful to use AI tools in education?». Так как в конце этапа основного общего образования в России проводится основной государственный экзамен, который обучающиеся могут сдавать в том числе по английскому языку, развитие умений говорения через подобные монологические высказывание представляет особый интерес.

На этапе введения обучающиеся также высказывают предположения о теме статьи, исходя из заголовка, после чего следует фронтальный опрос для выявления знаний по теме текста.

На этапе активизации обучающиеся самостоятельно читают статью. Далее учитель напоминает об обязательной структуре монолога (вступление, основная часть, заключение), и обучающиеся совместно с

подсказками учителя составляют таблицу с клише, которые используются в каждой части монолога.

На этапе актуализации обучающиеся высказывают составленный монолог в течение двух минут, придерживаясь логической структуры и используя ранее обговоренные клише.

Также для обучения монологической речи может быть применен путь «снизу вверх», где опорой выступает не один текст, а языковой материал из нескольких источников. В качестве материала, на основе которого будет составлено монологическое высказывание, мы предлагаем следующие цитаты, в которых демонстрируются концептуальные признаки искусственного интеллекта «опасность», «полезность» и «предмет для дискуссий».

«The development of full artificial intelligence could spell the end of the human race... It would take off on its own, and re-design itself at an ever increasing rate. Humans, who are limited by slow biological evolution, couldn't compete, and would be superseded.»

– Stephen Hawking

«Some people call this artificial intelligence, but the reality is this technology will enhance us. So instead of artificial intelligence, I think we'll augment our intelligence.»

– Ginni Rometty (American business executive)

«You have to talk about 'The Terminator' if you're talking about artificial intelligence. I actually think that that's way off. I don't think that an artificially intelligent system that has superhuman intelligence will be violent. I do think that it will disrupt our culture.»

– Gray Scott (futurist, techno-philosopher)

На этапе введения обучающиеся читают цитаты с доски и переводят их на русский язык в форме фронтальной работы.

На этапе активизации обучающиеся в парах обсуждают главные идеи, заключающиеся в приведенных цитатах. Далее каждый

обучающийся самостоятельно выбирает цитату, с которой он согласен, и подбирает пример из жизни, для подтверждения своей точки зрения.

На этапе актуализации обучающиеся высказывают составленный монолог-рассуждение, объясняя идею автора, выражая свое мнение и подкрепляя его примером из жизни. На ответ дается две минуты.

Выводы по второй главе

Вторая глава посвящена анализу репрезентации концепта «искусственный интеллект» (ИИ) в американских и российских медиа, а также возможностям применения полученных результатов в образовательном процессе. Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы.

Исходя из американских медиатекстов, ядро концепта включает следующие концептуальные признаки: «инструментальность» (25,2% контекстуальных единиц), «субъектность» (16,26% контекстуальных единиц), «полезность» (15,45% контекстуальных единиц) и «опасность» (13,82% контекстуальных единиц).

Периферия концепта включает дальнейшие концептуальные признаки: «предмет для дискуссий» (9,76% контекстуальных единиц), «ненадежность» (8,13% контекстуальных единиц), «важность искусственного интеллекта для настоящего и будущего» (8,13% контекстуальных единиц) и «состязательность» (3,25% контекстуальных единиц)

Ключевая закономерность заключается в том, что негативное отношение к ИИ сильнее коррелирует с его субъектностью (47% контекстуальных единиц), что отражает страх людей перед потерей контроля над искусственным интеллектом.

В российских медиа концепт «искусственный интеллект» отличается. В ядре концепта репрезентированы следующие концептуальные признаки: «полезность» (32.52% контекстуальных единиц), «опасность» (16.26% контекстуальных единиц), «инструментальность» (14.63% контекстуальных единиц) и «субъектность» (11.38%).

В периферию концепта входят такие концептуальные признаки, как «предмет для дискуссий» (9.76% контекстуальных единиц), «важность искусственного интеллекта для настоящего и будущего» (5.69% контекстуальных единиц), «состязательность» (5.69% контекстуальных единиц) и «достижение лидерства с помощью ИИ» (3,25% контекстуальных единиц).

Сходства между концептом «искусственный интеллект» в американских и российских медиа в основном заключаются в наличии одинаковых признаков, тем не менее, они репрезентированы в разном объеме, и также отличием является то, что в периферии американского концепта присутствует концептуальный признак «ненадежность», вместо которого в российском концепте наблюдается концептуальный признак «достижение лидерства с помощью ИИ»).

Результаты исследования могут быть применены в процессе урочной и внеурочной деятельности по преподаванию английского языка для развития монологической речи.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование было посвящено изучению функционирования концепта «искусственный интеллект» в американских и российских медиатекстах. Цель работы заключалась в выявлении ключевых сходств и различий в репрезентации данного концепта в двух лингвокультурах, а также в определении его структурных компонентов – ядра и периферии. В ходе исследования были успешно решены поставленные задачи, что позволило сделать ряд значимых выводов.

В теоретической главе было определено, что искусственный интеллект (ИИ) является динамично развивающейся областью науки и технологий, направленной на создание систем, которые способны воспроизводить когнитивные функции человека. Было установлено, что ИИ эволюционировал от выполнения узкоспециализированных задач (слабый ИИ) до гипотетического сверхума, способного превзойти человеческие возможности. Было выявлено, что важными аспектами ИИ являются его способность к самообучению, адаптации и принятию решений в условиях неопределенности, что отличает его от традиционного программного обеспечения.

Концепт, как ключевое понятие нашей работы, был рассмотрен с позиций лингвокогнитивного и лингвокультурного подходов. Было определено, что концепт объединяет рациональные, эмоциональные и культурные компоненты, а его структура включает ядро (устойчивые признаки) и периферию (вариативные элементы). Также было исследовано понятие медиатекста как многомерного коммуникативного продукта с различными компонентами, обладающего прагматической направленностью и выполняющего важную роль в формировании общественного сознания.

В практической главе был проведен анализ материалов американских (CNN) и российских (Lenta.ru) медиа. В американских

медиа-текстах в ядро концепта «искусственный интеллект» входят такие концептуальные признаки, как «инструментальность» (25,2% контекстуальных единиц), «субъектность» (16,26% контекстуальных единиц), «полезность» (15,45% контекстуальных единиц) и «опасность» (13,82% контекстуальных единиц). Периферия концепта включает «предмет для дискуссий» (9,76% контекстуальных единиц), «ненадежность» (8,13% контекстуальных единиц), «важность искусственного интеллекта для настоящего и будущего» (8,13% контекстуальных единиц) и «состязательность» (3,25% контекстуальных единиц). Ключевой закономерностью стало то, что негативные оценки сильнее коррелируют с одушевлением ИИ, что отражает страх перед потерей контроля над технологиями.

В российских медиа в ядре концепта репрезентированы концептуальные признаки «полезность» (32,52% контекстуальных единиц), «опасность» (16,26% контекстуальных единиц), «инструментальность» (14,63% контекстуальных единиц) и «субъектность» (11,38%). Периферия включает концептуальные признаки «предмет для дискуссий» (9,76% контекстуальных единиц), «важность искусственного интеллекта для настоящего и будущего» (5,69% контекстуальных единиц), «состязательность» (5,69% контекстуальных единиц) и «достижение лидерства с помощью ИИ» (3,25% контекстуальных единиц).

Сопоставительный анализ позволил выявить сходства и различия концепта «искусственный интеллект» в американских и российских медиа. Сходство заключается в том, что ядро концепта включает признаки «инструментальность», «субъектность», «полезность» и «опасность», а в периферии присутствуют признаки «предмет для дискуссий», «важность для будущего» и «состязательность». Различия проявляются в том, что в США ИИ чаще воспринимается как инструмент, но опасность связывается с его субъектностью (страх потери контроля), а в России ИИ в первую

очередь ассоциируется с пользой, а опасность не имеет четкой привязки к субъектности. В периферии американского концепта присутствует концептуальный признак «ненадежность», вместо которого в российском концепте наблюдается концептуальный признак «достижение лидерства с помощью ИИ»).

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения его результатов в образовательном процессе, например, на уроках английского языка для развития речевых умений. Адаптированные медиатексты и цитаты могут служить опорами для обучения монологической речи.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ангелова М. М. «Концепт» в современной лингвокультурологии / М. М. Ангелова // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики : сборник научных трудов. – Москва, 2004. – №3. – С. 3–10.
2. Баландина Е. С. Лингвистический анализ природных катастроф в медиадискурсе / Е. С. Баландина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2020. – №2. – С. 30–34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvisticheskiy-analiz-prirodnih-katastrof-v-mediadiskurse> (дата обращения: 03.02.2025).
3. Богуславская В. В. Влияние медиатекстов на формирование концептуальной и языковой картины мира / В. В. Богуславская // Евразийское научное объединение. – 2017. – № 1 (23). – С. 153–156.
4. Воробьев В. В. Лингвокультурология (теория и методы) : монография / В. В. Воробьев. – Москва : Изд-во РУДН, 1997. – 331 с.
5. Воронцов К. В. Машинное обучение в задачах искусственного интеллекта / К. В. Воронцов // Труды МФТИ. – 2021. – № 1. – С. 34–42.
6. Гараганов А. В. Как фильмы про искусственный интеллект влияют на отношение жителей мегаполисов к технологиям умного города / А. В. Гараганов // Социально-политические науки. – 2024. – №6. – С. 203–208. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kak-filmy-pro-iskusstvennyu-intellekt-vliyayut-na-otnoshenie-zhiteley-megapolisov-k-tehnologiyam-umnogo-goroda> (дата обращения: 06.06.2025).
7. Горошко Е. И. Лингвистика новых медий как один из вызовов лингвистической традиции прошлого / Е. И. Горошко, Л. В. Павлова // Вопросы психолингвистики. – 2015. – №24. – С. 43–53. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lingvistika-novyh-mediya-kak-odin-iz-vyzovov-lingvisticheskoy-traditsii-proshlogo> (дата обращения: 04.02.2025).

8. Даурова А. М. Влияние процесса глобализации на массовую культуру и личность / А. М. Даурова // Вестник Майкопского государственного технологического университета. – 2015. – №2. – С. 24–28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-protsess-a-globalizatsii-na-massovuyu-kulturu-i-lichnost> (дата обращения: 05.02.2025).
9. Добросклонская Т. Г. Вопросы изучения медиатекстов / Т. Г. Добросклонская. – 2-е изд., испр. и доп. – Москва : URSS, 2005. – 288 с. – ISBN 5-354-01106-8.
10. Искусственный интеллект Российской Федерации : официальный сайт. – Москва. – URL: <https://ai.gov.ru/> (дата обращения: 06.06.2025).
11. Казак М. Ю. Современные медиатексты: проблемы идентификации, делимитации, типологии / М. Ю. Казак // Медиалингвистика. – 2014. – №1(4). – С. 65–76. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennye-mediateksty-problemy-identifikatsii-delimitatsii-tipologii> (дата обращения: 03.02.2025).
12. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Москва : Гнозис, 2004. – 389 с.
13. Касьян Л. А. Термин «Концепт» в современной лингвистике: различные его толкования / Л. А. Касьян // Вестник Югорского государственного университета. – 2010. – №2. – С. 50–53. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/termin-kontsept-v-sovremennoy-lingvistike-razlichnye-ego-tolkovaniya> (дата обращения: 03.03.2025).
14. Киуру К. В. Имиджевый политический медиатекст: институционализация понятия и жанровая типология / К. В. Киуру // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – №9. – С. 52–57. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/imidzhevyy-politicheskiy-mediatekst-institutsionalizatsiya-ponyatiya-i-zhanrovaya-tipologiya> (дата обращения: 03.02.2025).

15. Коптякова Е. Е. Особенности лингвистического анализа медиатекстов / Е. Е. Коптякова // Политическая лингвистика. – 2015. – №3(53). – С. 213–215. – URL: <https://politlingvistika.ru/archive/3556778/3/osobennosti-lingvisticheskogo-analiza-mediatekstov> (дата обращения: 10.02.2025).
16. Красных В. В. От концепта к тексту и обратно. К вопросу о психолингвистике текста / В. В. Красных // Вестник Московского университета. – 1998. – № 1. – С. 53–70.
17. Кузнецова А. В. К определению понятия медиатекста / А. В. Кузнецова // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. – 2010. – №5(159). – С. 141–145. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-opredeleniyu-ponyatiya-mediateksta> (дата обращения: 10.02.2025).
18. Курцвейл, Р. Сингулярность уже близко / Р. Курцвейл. – Москва : АСТ, 2017. – 640 с.
19. Ларчев Д. В. Искусственный интеллект: понятие, признаки, классификация / Д. В. Ларчев // Правовой альманах. 2024. – №1(32). – С. 29–34. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-ponyatie-priznaki-klassifikatsiya> (дата обращения: 10.02.2025).
20. Лисицкая Л. Г. Прагматическая адекватность медиатекста: взаимодействие контента и аксиологии : автореферат дис. ... доктора филологических наук : 10.01.10 / Лисицкая, Лариса Григорьевна ; [Место защиты: Моск. гос. ун-т]. – Москва, 2020. – 355 с.
21. Лихачёв Д. С. Концептосфера русского языка / Д. С. Лихачёв // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. – 1993. – Т. 52, № 1. – С. 39.
22. Медведева Е. А. Стилистико-текстовый статус персуазивности медиатекста / Е. А. Медведева // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – №3(35). – С. 52–57. – URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/stilistiko-tekstovyy-status-persuazivnosti-mediateksta> (дата обращения: 20.02.2025).

23. Мельник Г. С. Медиатекст как объект лингвистических исследований / Г. С. Мельник // Журналистский ежегодник. – 2012. – №1. – С. 27–29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatekst-kak-obekt-lingvisticheskikh-issledovaniy> (дата обращения: 20.02.2025).

24. Минский М. Общество разума / М. Минский ; [пер. с англ. В. Желнинов]. – Москва : АСТ, 2018. – 592 с.

25. Морозова Н. В. Искусственный интеллект: стремление к технологиям завтрашнего дня / Н. В. Морозова, А. А. Балов, Н. Р. Микелба, А. К. Мамчур // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – №10. – С. 9–93. – URL: <https://doicode.ru/doi/10.17101/trnio-09-2023-179.pdf>

26. О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации : Указ Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2019. – № 41. – С. 5700.

27. Осипов Г. С. Искусственный интеллект: методы и технологии / Г. С. Осипов. – Москва : ФИЗМАТЛИТ, 2011. – 296 с.

28. Попова З. Д. Понятие «концепт» в лингвистических исследованиях / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 2000. – 30 с. – ISBN 978-5-9221-1323-6.

29. Попова З. Д. Семантико-когнитивный анализ языка : научное издание / З. Д. Попова, И. А. Стернин. – Воронеж : Истоки, 2006. – 226 с.

30. Редькина Т. Ю. Активные лексико-семантические процессы в медиатексте / Т. Ю. Редькина // Филология и человек. – 2013. – №3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktivnyye-leksiko-semanticheskie-protsessy-v-mediatekste> (дата обращения: 20.02.2025).

31. Рейтинг новостных сайтов // Пиксель Тулс : [сайт]. – 2025. – URL: <https://tools.pixelplus.ru/ratings/news-sites/> (дата обращения: 05.05.2025).
32. Стеценко Н. М. О соотношении понятий текст – медиатекст – медиадискурс / Н. М. Стеценко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Филологические науки. – 2011. – №4. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sootnoshenii-ponyatiy-tekst-mediatekst-mediadiskurs> (дата обращения: 25.02.2025).
33. Суржанская Ю. В. Термин Концепт как философское понятие / Ю. В. Суржанская // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2011. – №2(14). – С. 70–78. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-kak-filosofskoe-ponyatie> (дата обращения: 18.02.2025).
34. Тьюринг А. М. Вычислительные машины и разум / А. М. Тьюринг ; [пер. с англ. К.М. Королев]. – Москва : АСТ, 2018. – 128 с. – ISBN 978-5-17-108579-0.
35. Федеральная рабочая программа основного общего образования по учебному предмету «Иностранный (английский) язык» / Минпросвещения России. – Москва, 2023. – 65 с. – URL: https://edsoo.ru/wp-content/uploads/2023/08/03_frp_anglijskij-yazyk_5-9-klassy-1.pdf (дата обращения: 01.04.2025).
36. Федчук Д. А. О единстве Бога и множественности лиц: комментарий к девятому вопросу трактата Фомы Аквинского «Дискуссионные вопросы о могуществе Бога» / Д. А. Федчук // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2018. – №3(37). – С. 109–116. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-edinstve-boga-i-mnozhestvennosti-lits-kommentariy-k-devyatomu-voprosu-traktata-fomy-akvinskogo-diskussionnye-voprosy-o-moguschestve> (дата обращения: 05.06.2025).

37. Форофонтова Ю. Л. Термин Методологическая основа структурирования концепта / Ю. Л. Форофонтова // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – №6. – С. 240–244. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologicheskaya-osnova-strukturirovaniya-kontsepta> (дата обращения: 04.03.2025).
38. Хабекирова З. С. Структура концепта и методика его описания / З. С. Хабекирова, Ф. С. Адзинова, З. К. Хачецукова, А. А. Калашаова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – №11-2. – С. 9–11. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/struktura-kontsepta-i-metodika-ego-opisaniya> (дата обращения: 01.03.2025).
39. Цветкова Л. А. Технологии искусственного интеллекта как фактор цифровизации экономики России и мира / Л. А. Цветкова // Экономика науки. – 2017. – №2. – С. 126–143. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tehnologii-iskusstvennogo-intellekta-kak-faktor-tsifrovizatsii-ekonomiki-rossii-i-mira> (дата обращения: 04.03.2025).
40. Чернышова Т. В. Модель когнитивно-речевого взаимодействия в сфере массовой газетной коммуникации: детерминационные факторы / Т. В. Чернышова // Жанры и типы текста в научном и медийном дискурсе : сборник научных трудов / под редакцией А. Г. Пастухова. – Орел. – 2008. – С. 237.
41. Шестакова Э. Г. Медиатекст и медиалингвистика: бифуркация отношений / Э. Г. Шестакова // Медиалингвистика. – 2016. – №1(11). – С. 19–28. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mediatekst-i-medialingvistika-bifurkatsiya-otnosheniy> (дата обращения: 07.04.2025).
42. Campbell M. Deep Blue / M. Campbell, A. J. Hoane Jr., F.-h. Hsu // Artificial Intelligence. – 2002. – № 134. – P. 57–83. – URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0004370201001291> (дата обращения: 12.03.2025).

43. CNN: Breaking News, Latest News and Videos : официальный сайт. – Атланта, 1995 – . – URL: <https://edition.cnn.com/> (дата обращения 14.02.2025).

44. Elamin M. O. AI Through the Ages: Unlocking Key Opportunities and Navigating Challenges in the History and Future of Artificial Intelligence / M. O. Elamin // International Journal of Religion. – 2024. – № 12. – P. 1152–1166. – URL: https://www.researchgate.net/publication/385428679_AI_Through_the_Ages_Unlocking_Key_Opportunities_and_Navigating_Challenges_in_the_History_and_Future_of_Artificial_Intelligence (дата обращения: 22.04.2025).

45. Gherhes V. Why Are We Afraid of Artificial Intelligence (AI)? / V. Gherhes // European Review Of Applied Sociology. – 2018. – № 11. – P. 6–15. – URL: https://www.researchgate.net/publication/330678764_Why_Are_We_Afraid_of_Artificial_Intelligence_Ai (дата обращения: 22.05.2025).

46. Horner H. Artificial Intelligence and Automation: Decoding Human Fears / H. Horner // Engineering Institute of Technology. – 2024. – № 1. – P. 2–5. – URL: <https://www.eit.edu.au/artificial-intelligence-decoding-human-fears/#:~:text=Fear%20of%20Loss%20of%20Control&text=The%20rapid%20advancement%20of%20AI,intentionally%20or%20unintentionally%2C%20fuels%20apprehension> (дата обращения: 18.05.2025).

47. Kulkarni P. S. History and Growth of Artificial Intelligence / P. S. Kulkarni, S. N. Ashadeepa // International Journal of Scientific Research in Engineering and Management (IJSREM). – 2023. – № 11. – P. 1–4. – URL: <https://ijsrem.com/download/history-and-growth-of-artificial-intelligence/> (дата обращения: 07.04.2025).

48. Lenta.ru : официальный сайт. – Москва, 1999 – . – URL: <https://lenta.ru> (дата обращения 24.02.2025).

49. McCarthy J. What is AI? / J. McCarthy // Stanford University. – 2007. – №5. – P. 2–15. – URL: <http://jmc.stanford.edu/articles/whatisai.html> (дата обращения: 04.03.2025).

50. Mishra M. Artificial Intelligence / M. Mishra // DSMNRU[IET]. – 2023. – №4. – P. 1210–1222. – URL: https://www.researchgate.net/publication/369975101_Artificial_Intelligence (дата обращения: 05.04.2025).

51. Olavsrud T. 12 famous AI disasters / T. Olavsrud // CIO : [сайт]. – 2024. – URL: <https://www.cio.com/article/190888/5-famous-analytics-and-ai-disasters.html> (дата обращения: 06.06.2025).

52. Russel S. Artificial Intelligence: A Modern Approach / S. Russel, P. Norvig. – Third edition. – 2010. – 1152 p. – ISBN-10: 0-13-604259-7. – URL: <https://freebookpdf.download/library/Artificial%20Intelligence%20A%20Modern%20Approach%203th%20Edition-4953586> (дата обращения: 05.04.2025).

53. Russel S. Artificial Intelligence: A Modern Approach / S. Russel, P. Norvig. – Fourth edition. – 2021. – 1136 p. – ISBN 10: 1-292-40113-3. – URL: <https://aima.cs.berkeley.edu/> (дата обращения: 05.04.2025).

54. Sheikh H. Artificial Intelligence: Definition and Background / H. Sheikh, C. Prins, E. Schrijvers // ResearchGate. – 2023. – №10. – P. 15–41. – URL: https://www.researchgate.net/publication/367600487_Artificial_Intelligence_Definition_and_Background (дата обращения: 20.04.2025).

55. Top 50 news websites in the US: The Atlantic saw 40% rise in visits amid group chat scoop // Press Gazette : [сайт]. – 2025. – URL: https://pressgazette.co.uk/media-audience-and-business-data/media_metrics/most-popular-websites-news-us-monthly-3/ (дата обращения: 11.05.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Article about AI: Helpful Or Harmful? How AI Shaped Education In 2023

A recurring theme around AI in education is that students could use these generative tools to complete their assignments, especially written assignments. Educators are worried that students may not build essential skills if it becomes too easy to misrepresent machine-generated work as their own. In addition to concerns that such use may contribute to cheating, it's also known that AI can "hallucinate" by returning misinformation that may mislead students. As a result, many schools have banned generative AI completely. But is that realistic?

The answer is no, says Sebastian Rao, a Virginia STEM magnet school senior who has studied the use of AI by students. Instead, he advocates for AI policies that provide appropriate boundaries. He says the focus should be to thoughtfully integrate AI technology into classrooms so that students can use it to improve students' education and build new skills.

When schools place strict bans on AI, students (and educators) may be confused and unsure about what they can and can't use. "We're having a moment now in education," notes Andy Forest, founder and executive director of an educational organisation. "AI tools are just suddenly so capable and competent they are completely disrupting education." Many students use AI in ways educators and administrators didn't predict, worsening the problem of regulating their use in the classroom. Meanwhile, the technology is evolving quickly and becoming integrated into an ever-growing range of tools.

Academic tools that correct mistakes now use AI, as do search engines like Google and Yandex. "A lot of students don't really know what to think about a lot of these technologies. Some are confused about, you know, 'What does AI mean? Is it cheating in certain circumstances?'" explains Rao.

Rather than framing the use of AI as cheating, the U.S. Department of Education is integrating AI into policy because the technology allows educators to support students with a valuable, personalized approach to learning. Knowing how to use AI effectively and ethically will be necessary for students' future careers. Even the White House is on board. President Biden wrote in a recent executive order that AI will make the world "more prosperous, productive, innovative, and secure."

AI will almost certainly change how education looks in the classroom, just as computers and the Internet did decades ago. Students need to be part of the discussion to understand where the boundaries lie between, for example, using a tool for brainstorming and being academically dishonest. AI can't and won't replace human educators. The key will be developing a nuanced approach where policy creates an environment that protects students' privacy and ensures academic honesty.

For all its benefits, AI technology does bring challenges that go beyond cheating or ethics. Many parents, educators, and students are concerned about privacy and safety when using AI tools. Forest explains that governmental regulations on data privacy and intellectual property haven't caught up to the explosion of AI applications becoming available. "[J]ust continuously ask... 'What are they doing with my data?' The more you know about AI and how it can use your data, the better because then you can evaluate those policies," he says.

There are also other concerns. Rao explains that students are concerned about AI detectors because the software can incorrectly label written works as AI-generated when they are not, especially for people whose primary language is not English. That may lead to some students being unfairly accused of cheating. However, the AI detectors can be improved and trained on diverse texts to be more representative and inclusive. "Hold these companies accountable," Rao says.

Nevertheless, it seems like AI is here to stay and we must deal with it.